

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЕЛИЧЬЯ НАШЕГО ЗАРЯ

Том 2. Пусть консулы
будут бдительны

Одиссей покидает Итаку

Василий Звягинцев

**Величья нашего заря. Том 2.
Пусть консулы будут бдительны**

«Звягинцев Станислав»

2014

Звягинцев В. Д.

Величья нашего заря. Том 2. Пусть консулы будут бдительны /
В. Д. Звягинцев — «Звягинцев Станислав», 2014 — (Одиссей
покидает Итаку)

ISBN 978-5-699-76621-5

Это из зрительного зала кажется, что марионетки пляшут сами по себе, а стоит зайти за кулисы, тут тебе и картонные домики, и барабан вместо грома и кукловод, который, умело дергая за ниточки, создает целый мир и заставляет нас поверить в его реальность. Но кукловоду не всегда удастся оставаться невидимым, приходит время и ему выйти на поклон к публике. Так получилось и на этот раз, третья сила, загадочный «кукловод», который постоянно вмешивался в дела «Андреевского братства», вынужден был проявиться и стать доступным для общения с оппонентами. Чем не замедлили воспользоваться Вадим Ляхов и Дмитрий Воронцов, каждый со своей стороны приложивший максимум усилий, чтобы наконец добраться до источника и инициатора глобальных комбинаций на шахматной доске истории. Станет ли эта партия решающей и для кого?

ISBN 978-5-699-76621-5

© Звягинцев В. Д., 2014

© Звягинцев Станислав, 2014

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	37
Глава четвёртая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Василий Дмитриевич Звягинцев

Величья нашего заря. Том 2.

Пусть консулы будут бдительны¹

© Звягинцев В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря.
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.
Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!
Так нераздельны в деле славы
Народ и царь его всегда.

Веленьям власти благотворной
Мы повинемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его, как за свою.

Но честь России невреждена,
И вам, смеясь, внимает свет...
Так в дни воинственного Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шёл Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наёмный клеветник.

М. Лермонтов. 1835 г.

Как конквистадор в панцире железном,
Я вышел в путь и весело иду,
То отдыхая в радостном саду,
То наклоняясь к пропастям и безднам.

Порою в небе смутном и беззвездном
Растёт туман... но я смеюсь и жду,
И верю, как всегда, в мою звезду,
Я, конквистадор в панцире железном.

И если в этом мире не дано
Нам расковать последнее звено,
Пусть смерть приходит, я зову любую!

Я с нею буду биться до конца,
И, может быть, рукою мертвеца
Я лилию добуду голубую.

Н. Гумилёв

Глава первая

Воронцов с Арчибальдом вполне дружески беседовали, сидя в любимом баре Дмитрия, ещё в том, что он сумел создать силой воображения в свой первый день появления в Замке. Когда вообще никакого «Братства» ещё не было и сам он совершенно не понимал, как и для чего Антон организовал его перемещение. Вот как иногда заканчиваются совершенно невинные и ни к чему вроде бы не обязывающие разговоры со случайно встреченными людьми. Впрочем, гораздо раньше и лучше этот постулат сформулировал Булгаков.

Но его почти что врождённая привычка легко относиться к любым поворотам судьбы здесь, в Замке, только укрепилась. И «самопровозглашённого человека», если употреблять современную стилистику, он воспринимал без тех предрассудков, что ощущались у некоторых его соратников. Они – это они, а Воронцов начинал свою сольную партию здесь, он её и продолжит, невзирая на... Мало ли что в данный момент некоторая часть Замка приняла такой вот *антропоморфный* образ. Не в этом же совершенно дело.

Дмитрий в самые первые минуты «знакомства» ощутил с этим немислимой природы *существом* (именно существом, не безличным объектом он сразу воспринял Замок) взаимную приязнь, так оно и продолжалось. А Арчибальд что? Звучит, может, немного кощунственно, но нельзя ли провести аналогию между парами: «Арчибальд – Замок» и «Бог-отец и Христос»? И та и другая существовали одновременно, были, как говорится, «единотсущны», но по всей имеющейся информации Иисус в период своего земного существования и был Богом, и одновременно им, безусловно, не был, сохраняя полную человеческую сущность. Иначе к кому бы он обращался с мольбой: «Да минует меня чаша сия!» К самому себе, что ли?

То же самое и относительно взаимного позиционирования Арчибальда и Замка. Первый, обладая набором отпущенных ему для выполнения задания способностей, никоим образом не равновелик породившей его Сущности. Которая, в свою очередь, тоже кем-то изготовлена, выращена или на крайний случай – *допущена* к автономному существованию, являясь всего лишь порождением случайного сочетания атомов или нейронных связей Мировой сети.

Дмитрий усмехнулся: сейчас бы ему в компанию Шульгина, в той его ипостаси, где он подражает Арамису из «виконтовского» трёхтомника. Потешились бы они богословским спором за стаканчиком амонтильядо...

– Ты подбери мне одёжку, чтобы я именно с твоей точки зрения выглядел достойным членом клуба, да и пойдём, – сказал он, отставляя бокал с недопитым соком манго. Негромко звякнули о хрусталь кусочки льда.

– Ты хочешь изображать нынешнего члена клуба или?... – спросил Арчибальд, который, несмотря на своё безразличие к условностям, тоже чувствовал себя с этим собеседником гораздо комфортнее, чем с Сильвией, например.

Воронцов это сразу заметил и подумал, что любые рассуждения о «человеческом» и «нечеловеческом» разумах заведомо бессмысленны. На самом деле – Замок на второй день знакомства извлёк из памяти Дмитрия очень глубоко запрятанное воспоминание о его неудачной любви. Сумел разобраться в психологии Натальи прошлой и смоделировал её нынешнюю. На основании этого создал сначала голографическую копию, а потом разыскал в далёкой Москве прототип и *дистанционно переформатировал* вполне взрослое и самостоятельное существо под представления уже другого Воронцова, изменившегося и под влиянием самого пребывания в Замке, и в ходе знакомства с «макетом» женщины, которую считал навсегда потерянной. И самое главное – Наталья после всего этого сохранила и лучшую часть своей подлинной личности и стала воплощением придуманного идеала. Причём – эта мысль пришла Воронцову в

голову только что – он ведь так и не понял, чей «придуманный идеал» воплотил Замок, его или самой Натальи?

Но если это так, то он смог бы сделать то же самое с любым человеком на Земле. Превратить умирающего Брежнева обратно в стройного красавца, придав ему заодно тонкость и изощрённость мысли Макиавелли, красноречие Дизраэли и реформаторский настрой Петра Великого, разбавленный мудростью и кротостью Серафима Саровского, вместе с эрудицией... Ну, хоть академика Лихачёва. Как бы тот реформировал СССР и саму идею социализма? Но Замок этого не сделал. Потому что это не по силам даже ему или?..

А вот тут возникает очередной *проклятый* вопрос – как можно судить, что Замок с кем-то сделал или не сделал? Контрольного-то образца под руками не имеется. Что, если необходимые изменения давно произведены и всё обстоит, как описал Марк Твен в «Таинственном незнакомце»? Предложенный вариант – лучший из возможных. Просто мы не в состоянии представить, что в «моральном кодексе» высшего существа считается «лучшим», а что «худшим». Вернее – наши и его представления на эту тему настолько расходятся...

Вот Замок свёл Антона с Дмитрием на ступенях Ново-Афонского храма, преследуя какие-то свои цели, и с этого момента потянулась совершенно другая цепочка причин и следствий², пока что весьма и весьма для Воронцова благоприятных. Но для миллионов людей, втянутых в эту же, совершенно не предусмотренную прежним «коловращением жизни» воронку событий – полная катастрофа, нравственная, а то и физическая.

Новиков как-то предположил, что так называемая «перестройка» и всё с ней связанное как раз и случилось оттого, что именно в этот момент вся их компания окончательно сформировалась, начала действовать, смешала карты и агграм, и форзейлям, а потом вообще исчезла с Главной Исторической (а можно ли её теперь так называть?) последовательности. Даже только это – благо или зло? Вот, к примеру – ты сделал нечто, и вследствие этого, допустим, началась война. Некий условный человек попал на неё и провёл четыре года, ежедневно эту войну и все свои тяготы и лишения проклиная. Но откуда ему знать, что не начнись война, он поехал бы кататься со всей многочисленной семьёй на велосипедах, и все они погибли бы под колёсами самосвала, управляемого пьяным водителем. И этот пример касается каждого из миллионов людей по обе стороны фронта.

Нет, Замок сам по себе, или нахождение в нём, влияет на Дмитрия очень странным образом. Сейчас, например, на философствования потянуло, а первый раз – на подвиги, и не только военные.

– Я хочу, чтобы мы прямо сейчас отправились в тот Лондон, где ты развлекался в «Хантер-клубе», – прервал грозящий стать беспосадочным полёт своего воображения Воронцов. – В имперской реальности, в день, отстоящий на две недели от планируемого нападения на Россию. Если это не создаст какого-то парадокса или анахронизма. Там ты потребуешь у премьера немедленной аудиенции...

– Нет проблем. Но в качестве кого ты хочешь появиться перед Уоллесом? Членов клуба он знает всех...

– А ты используй свои *сверхъестественные способности* и вспомни человека, который может считаться там одним из предводителей того, что наши конспирологи называют *Мировой закулисой*. Она ведь наверняка существует, в том или ином виде, и кто-то ею руководит. Ваш «Хантер» – средоточие олигархов³ «Системы», а что на ступеньку или две выше? Ну?! Кто бреет цирюльника?⁴

---

² См. роман «Одиссей покидает Итаку» – «Критерии отбора».

³ У нас принято называть олигархами лишь людей, обладающих гигантскими, как правило, нечестно нажитыми состояниями, даже безотносительно к их отношению к государственной политике. На самом же деле «олигархия» – «власть немногих» (*греч.*) – государственное устройство, где вся полнота власти принадлежит узкой группе лиц, объединённых каким-то

Лицо Арчибальда изобразило сомнение, потом что-то в нём неуловимо изменилось. Воронцов догадался, что робот переходит на иной уровень *личности*, подключаясь, возможно, к ранее недоступным ему структурам Замка. В принципе так меняется обычный человек, вдруг получивший известие, что сего числа он произведён в высший чин с соответствующим изменением функций и статуса. Был, допустим, камер-юнкером и вдруг стал камергером⁵.

Тон голоса у андроида тоже стал другим.

– Я не уверен, что тебе сейчас нужно знать всё это в подробностях. Мне кажется, время ещё не пришло, и от лишней информации будет больше вреда, чем пользы... – так и есть, это нотки очевидно *надмирного* происхождения.

– Мы же знаем о Держателях, Игроках, Ловушках...

– А что вы знаете? – несколько даже вкрадчиво спросил Арчибальд.

И Воронцову пришлось покаянно развести руками. Но всё равно не смолчал: «Ничего. И то не всё». Шутка – она есть признак самообладания и адекватного отношения к окружающему.

Арчибальд сдержанно хохотнул.

– Так я и не настаиваю, чтобы ты мне сейчас всю мировую подноготную открыл, – уточнил свою позицию Воронцов. – Вспомни имя *сильного мира*, которое для Уоллеса окажется настолько авторитетным, что других вопросов не возникнет. Пусть оно будет даже несколько легендарным, это не важно. А меня пусть воспримут, грубо говоря, *тринадцатым сионским мудрецом*.

Арчибальд опять издал звук, будто подавлял очередное желание рассмеяться в голос.

– Я с самого начала понял, что ты очень остроумный и... свободный от условностей человек. И когда с Антоном разговаривал, и когда... со мной.

– А чего теряться? Такой уж уродился. Правда, *земному* начальству это, в отличие от тебя, не сильно нравилось.

– Ну, адмиральских чинов ты всё же достиг, и гораздо раньше, чем в прошлой жизни.

– Это да, – согласился Дмитрий. Останься он служить дальше, больше, чем кап-два, ему ни за что не дали бы. Ну, на самый крайний вариант – кап-раз при выходе в отставку.

– Но как всё же с моим пожеланием? Есть такой человек или группа людей, в достаточной мере известных премьеру? Или вы его играете втёмную и клуб для него – альфа и омега мировой политики?

– Разумеется есть. И премьер Англии знает, что он есть, хотя с ним лично никогда и не встречался. Но как раз это совсем не существенно. Небольшого напоминания будет достаточно. Ты правильно сообразил: на определённом уровне каждый, признанный достойным быть допущенным к «свободным выборам» или к назначению на ключевую должность, получает свою долю «мировых тайн». К мнению членов «Хантер-клуба» просто *прислушиваются*, и только в Англии, но есть имена, при упоминании которых самые самоуверенные лидеры теряют всякий кураж. Тебе ведь приходилось видеть, как главы великих, причём конфронтирующих держав непонятным образом действуют в унисон и, что очевидно для всех *понимающих* – во вред своим же государствам?

общим признаком (богачи, военные, верхушка криминала, Политбюро ЦК КПСС). Олигархи могут быть практически нищими – у членов Политбюро и самого Сталина не было никакой собственности, кроме немногих личных вещей, но – абсолютная полнота власти.

⁴ Одна из так называемых апорий Зенона. «В деревне живёт цирюльник, который бреет всех, кто не бреется сам. Кто бреет цирюльника?»

⁵ *Камер-юнкер* – младшее придворное звание для лиц, имевших чин V–VIII (применительно к армии: майор – полковник) классов, камергер – старшее придворное звание для лиц III и IV классов (генерал-майор – генерал-лейтенант). Действительный камергер – высший придворный чин I–II классов (полный генерал – генерал-фельдмаршал). Так что зря Пушкин возмущался, что царь ему «камер-юнкера» дал. В тридцать лет майор – совсем неплохо. Лермонтов армейским поручиком умер. Гумилёв тоже.

– Очевидно для всех, но никто не удивляется, – кивнул Воронцов. – Всегда найдутся «независимые эксперты», которые объяснят смысл происходящего с десятка точек зрения, кроме верной...

– А если кто случайно назовёт истинную причину, тут же наготове стандартный набор методик, от обвинения в «конспирологии» до многозначительного – «Политика – это искусство возможного».

– Бывает – и пуля в голову...

Арчибальд только кивнул в ответ, двумя пальцами вытащил из нагрудного кармана пиджака визитную карточку и протянул её Воронцову.

– В подходящий момент покажешь...

На стандартного размера прямоугольнике тёмно-вишнёвого картона (совсем вроде неподходящий цвет) выпуклыми готическими буквами было вытиснено серебром: «Магнус Теофил Сарториус» – и ничего больше. Именем с фамилией это считать, названием фирмы по торговле дамской галантереей или заклинанием – вопрос фантазии.

– Спасибо, – кивнул Дмитрий, пряча визитку в карман. – Что-то вроде «Лаксианского ключа»?⁶ А как насчёт риска, что, отойдя от должности, тот же мистер Уоллес не захочет забыть о подобном способе «решать вопросы» уже в чисто личных интересах?

Арчибальд посмотрел на него с долей сожаления.

– Я думал, подобного вопроса у тебя не возникнет. Люди, на которых *есть виды*, проходят достаточно подробный инструктаж. А если тем не менее начинают вести себя *неправильно*, вопрос решается так, что лишнего *клиент* сказать и сделать не успевает. В истории достаточно примеров вроде «Тайны убийства братьев Кеннеди» или «Смерти принцессы Дианы». Впрочем, по поводу смертей Сталина и Рузвельта тоже есть соображения. У *конспирологов*.

– Благодарю, теперь мне всё совершенно ясно...

– А всё ли? Ты же сам готовишься ступить на этот же путь...

– Ах, как сказали бы в Одессе, «я с вас смеюсь». Ты бы меня чуть раньше предупредил, когда Антон меня к тебе в гости послал. Так, мол, и так, в июль сорок первого ходить не надо, там стреляют... Чего же промолчал?

В этот же момент Арчибальд вернулся в прежнее качество. Это трудно объяснить словами, но несколько похоже на то, как актёр заканчивает свою мизансцену (может быть – ключевой монолог), под аплодисменты уходит за кулисы и в долю секунды, пересекая границу сцены, из какого-нибудь Юлия Цезаря или Макбета превращается в Ивана Петровича Сидорова, хотя и «заслуженного», но всё равно глубоко заурядного гражданина.

– «Запел петух, и Шехерезада прекратила дозволенные речи», – со всей доступной ему иронией, всё равно, правду сказать, не достигшей цели, сказал Воронцов и принялся раскуривать трубку.

– Ну так пошли, что ли? Да, кстати, а о чём ты с ним собрался говорить? – Этот вопрос уже был задан как бы не от имени Замка, а от Арчибальда лично, в его роли господина Боулнойза.

– Да вот, знаешь, Император очень опасается, что англичане в последний момент раздумают начинать войну. А я с ним как бы и согласен, но не хочу, чтобы война получилась чересчур кровопролитная. Нас бы устроило нечто вроде аналога «Битвы за Англию»⁷, только в зеркальном отражении. Вот и захотелось мне лично с премьером побеседовать, его настроения прозондировать и пару полезных советов дать...

---

⁶ См. одноименный рассказ Р. Шекли.

⁷ «Битва за Англию (Британию)» – фактически первая в истории чисто воздушная война между Германией и Великобританией, продолжавшаяся с июля по октябрь 1940 г. Германия рассчитывала уничтожить английский воздушный флот, сломать моральный дух нации и обеспечить высадку морского десанта на Острова. Закончилась как бы вничью, но поскольку Германия поставленных целей не достигла, она «битву» проиграла.

Предложенный Воронцову Арчибальдом костюм, сразу видно, должен был обозначить особу высокого ранга и в средствах нисколько не стеснённую. Сам он таких никогда не носил, демонстративно ограничиваясь чем попроще, но понятие имел. Покрой отличался от принятого в его мире не так уж сильно. В пределах индивидуальной фантазии модельеров, вынужденных «плясать от той же печки», то есть фасонов первого десятилетия двадцатого века.

– Ну и как ты наш визит обставишь? – осведомился Воронцов, когда всё было готово. По привычке сунул под ремень брюк сзади «вальтер ПП», всякие изыски вроде «глоков», «беретт», «дезерт иглов» он не любил. Едва ли на этом уровне общения оружие ему понадобится, но, как выражался пресловутый старшина: «Хай будэ». Ещё прихватил нераспечатанную пачку сигарет в дополнение к имеющейся, зажигалку и «спринг-наиф». Примерно так он был экипирован, когда попал в Замок впервые, за исключением пистолета.

– Как обычно. Сейчас перейдём в гостиную клуба, и я оттуда позвоню премьеру... Через полчаса обед, – сказал робот, не взглянув на часы, – к нему пусть подъезжает.

– Приедет? – усомнился Дмитрий. – Он же человек занятой, у него война на носу...

– Тем более приедет, сообразит, что сейчас такие люди, как я, таких, как он, по пустякам не дёргают.

– Это верно. Я его сейчас совсем не пустячной новостью обрадую...

В Лондоне шёл моросящий дождь с туманом, и, похоже, не первый день. Уже начали появляться первые признаки формирования «старого доброго смога». Чем сильнее падает температура, тем больше аборигенов растапливают свои печки и камины, да не дровами, а плохим бурым углем и торфяными брикетами. В этом мире газовое, электрическое и центральное отопление отчего-то получили куда меньшее распространение, чем в соседнем. А кардиф⁸ нынче дорог.

И каминный дым, смешиваясь с туманом, создаёт ту неповторимую атмосферу, из-за которой приличные люди предпочитают пореже высываться из своих особняков, наглухо заперев окна, и грея в руках бокал бренди или грога, наслаждаться достойным джентльменов уютом.

В гостиной клуба Воронцов с интересом осмотрел достопримечательности, долженствующие запечатлеть в поколениях подвиги славных охотников. Особый его интерес, наряду с головами представителей «большой пятёрки»⁹, развешанными по стенам, вызвала картина, изображающая бородатого мужчину в явно русской дворянской одежде позапрошлого века и высоких начищенных сапогах, вонзившего здоровенную, как оглобля, рогатину в грудь гигантского медведя, чуть ли не «пещерного»¹⁰, у входа в разворошённую берлогу. И лес вокруг был явно не британский.

Медведь скалился длинными, в ладонь, клыками и пытался достать героя не менее ужасными когтями. Художник был не то чтобы уровня Васнецова или Верещагина, но вполне владеющий ремеслом.

– Это у вас что, иллюстрация к ремейку «Затерянного мира»? – осведомился Дмитрий. – На российском, так сказать, материале?

– Нет, это документальное, подтверждённое свидетелями событие. В тысяча восемьсот девяносто седьмом году князь Михаил Муравьёв на самом деле в присутствии своих гостей, действительных членов «Хантер-клуба», без какого-либо оружия, кроме рогатины, добыл

---

⁸ Каменный уголь весьма высокого качества, с высокой теплотворностью и малозольный, широко употреблялся паровыми флотами богатых стран.

⁹ Наиболее опасные и достойные внимания «хантера» звери Африки: слон, носорог, буйвол, лев, леопард.

¹⁰ Вид гигантского медведя, существовавшего в «пещерную» эпоху человечества в плейстоцене. Размёрами значительно превосходил даже нынешних гризли.

этого медведя весом ровно в сорок пудов... За что и был принят «зарубежным членом-корреспондентом», что случалось крайне редко.

– Судя по картине, в этом звере пудов под сто. Но вообще геройский, по всему, был князь. Рогатина – дело ненадёжное...

– Самому приходилось? – удивился Арчибальд.

– Читал. А сам только в училище фехтованием на штыках занимался. Так что в целом представляю. Одно неверное движение – лезвие уходит в сторону, а ты получаешь по уху такой вот лапой... Голова, натурально, летит в кусты помимо тела. Собственно, вся наша жизнь такая, – философично заметил Воронцов, справедливо решив, что сравнение их нынешней деятельности с опасной охотой гораздо ближе к истине, чем шекспировское «мир – театр». В театре в худшем случае освищут и потребуют деньги назад, а ошибка в общении с таким вот персонажем – он снова взглянул на исполненную драматизма и жизненной правды картину – влечёт куда более необратимые последствия.

Присели в кресла к уже разожжённому камину. В клубе, в отличие от домов обывателей, джентльмены наслаждались треском настоящих, притом высококачественных дров, стоивших здесь сумасшедших денег. Как в Одессе двадцатого года, где акациевые дрова продавали на вес, фунтами¹¹. Воронцов подумал, что в здешнем мире Россия гораздо больше заработала бы экспортом возобновляемой древесины, чем углеводородов. Впрочем, может и зарабатывает – он в такие тонкости местной экономики не вникал.

Преисполненный самоуважения лакей подал джентльменам виски и по особой рецептуре производимые в Британской Гвиане уже полтора года подряд сигары «только для «Хантер-клуба». В случае попадания их куда-либо ещё (в Европе, разумеется, на месте именно их курили все кому не лень) производителю грозила астрономическая неустойка.

Не успел Арчибальд преподать Воронцову краткий курс манер, которых стоит придерживаться, чтобы выглядеть среди клубменов естественно, подъехал и премьер-министр. Похоже, господин Уоллес, не так давно удостоенный королём рыцарского звания и могущий теперь именоваться «сэр Смит-Дорриен», был достаточно заинтригован и сумел выкроить час-другой в своём крайне напряжённом графике. Причём подготовка к войне для него заключалась не в изучении стратегических карт, корректировке мобилизационных планов и чтении непрерывно поступающих от «надлежащих лиц» рапортов, чем как раз сейчас занимался император Олег. Британский премьер «разруливал разногласия и корректировал интересы» всяческих групп влияния, без чего государственная машина, армия, флот и «большой бизнес» синхронно работать были не в состоянии. Собственно, таким же образом руководил войной и Черчилль в соседней реальности, но у того, в силу разницы в личных качествах, получалось несколько лучше.

– Итак, мой дорогой Боулнойз, что вынудило вас искать моего общества? – деланно-весёлым голосом осведомился премьер, входя в гостиную и на ходу вытирая дождевую морось с лица большим клетчатым платком. – Давненько мы не виделись, из чего я делаю вывод, что у вас ко мне нечто экстраординарное?

В глазах Уоллеса Воронцов заметил отблески не то обычной паники, не то начинающегося безумия. Впрочем, могло быть и то и другое сразу, психотип премьера вообще не подразумевал функционирования в условиях, выходящих за рамки девятидесятилетней бюрократической рутины, когда решения принимаются гораздо выше его уровня, а исполнением занимаются несменяемые чиновники¹².

---

¹¹ См.: К. Паустовский. Время больших ожиданий.

¹² Одна из особенностей британской политической системы. Если по результатам выборов правительство формируется на партийной или коалиционной основе, то всю реальную работу ведут именно несменяемые и не имеющие отношения к межпартийной борьбе *карьерные* чиновники от замминистров и ниже. Интересно, что такие чиновники снабжают своё руководство только той информацией, которую считают допустимой сообщать человеку, который в этом же году может лишиться

Арчибалд вначале с соблюдением всех церемоний представил Воронцова и премьеру друг другу, после чего они вновь расселись вокруг низкого прикаминного столика и взяли в руки традиционные бокалы. Все «хантеры» в стенах клуба считали себя как бы охотниками на привале, а какой привал без доброго глотка чего-нибудь покрепче пива? К тому же вечные сумерки от полузадёрнутых плотных штор позволяли легко обходить ещё одно «охотничье» правило – никогда не пить виски до захода солнца.

Чтобы не вызывать лишних вопросов, Воронцов был назван лишь латинизированным именем, что звучало вполне солидно, а заодно наводило на желательные ассоциации с владельцем визитки-пароля.

– Вот, господин Деметриус имеет к вам некое поручение, – сказал Уоллесу робот. – Я допущен к тайнам этого уровня, поэтому не буду делать вид, что мне срочно потребовалось выйти в туалет или позвонить по телефону...

Воронцов наклонил голову, подтверждая слова Арчибалда, и молча показал Уоллесу карточку.

Премьер взял её в руки и не меньше минуты рассматривал, будто выискивая на ней какие-то тайные знаки. Кто его знает, возможно, они там и были.

Вернул недрогнувшей рукой, только подобрался весь, и губы шнурочком сжались.

– Я вас слушаю, – и чуть-чуть не удержался в образе, спросил лишнее: – А отчего мистер Сарториус не позвонил по телефону, как обычно?

– Вопрос совершенно не ко мне, как вы понимаете, – ответил Дмитрий, но интонацией и мимикой дал понять, что как раз к нему, ни к кому другому, а ссылка на «Сарториуса» – это просто пароль.

– Могу только сказать, что господин Сарториус последнее время очень занят и ему недосуг вникать в текущие вопросы, сколь бы важными они ни казались...

После этих слов можно было надеяться, что Уоллес тут же не кинется к телефону уточнять и перепроверять слова «мистера Деметриуса». Вот если Сарториус некстати сам вдруг позвонит – это будет номер! Одна надежда – Замок озаботится, чтобы этого не случилось, раз сам затеял интригу.

– Виски очень неплох, как вы считаете? – сменил тему Воронцов и ещё минут пять рассуждал о сравнительных качествах этого напитка как в отношении с иными «продуктами прямой перегонки», так и применительно к разным регионам Ирландии и Шотландии. Затем перешёл к сигарам. Когда твой партнёр взвинчен и изо всех сил пытается понять, что именно в данный момент происходит, такая тактика очень хороша в качестве «артподготовки».

Клиента следует довести до состояния, когда он уже не в силах должным образом контролировать ситуацию и своё положение внутри её. Это особенно хорошо удаётся, если персона выведена за пределы *привычного контекста* и вынуждена на ходу применяться к роли, ей совершенно несвойственной.

Премьер-министр великой державы, поставленный в положение школьника, внезапно вызванного к директору без предварительного объяснения причин. Всякого рода прегрешений и проступков любой семи-восьмиклассник знает за собой множество, но о каком именно сейчас пойдёт речь? А может быть, предстоит не наказание, а награда? Тоже непонятно за что. Очень малое количество людей, обычно имеющих специальную подготовку, в состоянии сохранить в предложенных обстоятельствах полную безмятежность духа и хорошее настроение. А если это им удаётся – то чем не повод задуматься как раз о заведомой *срежиссированности* их поведения. Всё это хорошо было показано в «Семнадцати мгновениях», на примере пары Штирлиц – Мюллер. Впрочем, Воронцов за последние годы имел время изучать и более достоверный «учебный материал».

– Вы уже в курсе о событиях сегодняшней ночи? – наконец спросил Воронцов, доведя Уоллеса *до кондиции*. Спросил внезапно, без всякого интонационного или смыслового перехода от предыдущей фразы.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду? – опешил премьер и снова потянулся за платком. Потоотделение тоже полностью вышло из-под контроля. Очередь за остальной вегетатикой...

– Неужели вам не доложили? – удивился «мистер Деметриус», мельком взглянув на ручной хронометр. – Должны бы были, особенно с учётом разницы во времени. Дело, собственно, вот в чём. Довольно крупное подразделение британской морской пехоты в сопровождении кадровых сотрудников СИС, конкретно – МИ-8, около полуночи высадилось на острове, принадлежащем достаточно известному в мире лицу. Вам, по крайней мере, точно известному – Ибрагиму Катранджи. Причём если многие малоосведомлённые люди считают его главарём чуть ли не всемирного преступного синдиката, то в иных кругах он считается вполне респектабельным деловым человеком, сфера интересов которого лежит в «серой», как некоторые выражаются, зоне по отношению к общепринятым принципам и стандартам.

Удачно завершив эту старательно сконструированную фразу, Дмитрий замолчал, с удовольствием пыхнул сигарой и вопросительно посмотрел на Уоллеса.

– Я на самом деле ничего об этом не слышал, – с излишним жаром ответил премьер, разве только за руку Воронцова не схватив для большей убедительности. – Мне, безусловно, хорошо известен господин Катранджи, более того, он должен сыграть важную роль в предстоящих событиях, и предварительная договорённость с ним уже достигнута... Следовательно, то, о чём вы говорите, – или чудовищное недоразумение, а возможно – провокация. Так осложнять отношения с одним из решающих союзников на пороге войны?! Нет, это на самом деле беспрецедентно, и я...

– Командир подразделения коммандос майор Стент сдался в плен и даёт показания, руководитель спецоперации Лонсдейл погиб в бою... – помолчав, добавил Воронцов и снова посмотрел на премьера.

Арчибалд, всё это время молча смачивающий губы в своём бокале, не поленился встать и, хотя они ни о чём предварительно не договаривались с Дмитрием, очень своевременно и достаточно многозначительно принёс и поставил перед премьером телефонный аппарат на длинном витом шнуре.

– Это – закрытая связь. Позвоните, куда считаете нужным, и уточните...

Уоллес начал нервно накручивать диск, а Воронцов незаметно показал роботу большой палец, одобрительно при этом кивнув. Машина-то он машина, но степеней свободы набрался столько, что тест Тьюринга¹³ выдержал бы перед целым синклитом строгих экзаменаторов. И соображает вполне правильно. Всегда бы так.

После нескольких звонков Уоллес попал, наконец, на *компетентное лицо* и затеял с ним весьма напряжённый разговор, в котором неоднократно звучали нецензурные (по английским меркам) выражения и даже угрозы.

Когда премьер положил трубку, на него неприятно было смотреть. Как на полураздавленного таракана.

И взгляд, что он бросил на Арчибалда, был отнюдь не ангельский. Тот ответил взглядом же, но совершенно безмятежным, с таким примерно смыслом: «Сам напортачил, сам и отвечай. И нечего искать виновных на стороне». Относилось это, безусловно, к сложным взаимоотношениям между некоторыми клубменами, членами правительства и парламента, а также и особами из Царствующего Дома.

---

¹³ Алан Тьюринг – один из основоположников современной кибернетики и вычислительной техники. Рассуждая о возможностях «машинного интеллекта», предложил свой знаменитый тест. По его условиям сторонний наблюдатель, беседуя удалённым способом одновременно с компьютером и человеком, должен определить, кто из его собеседников является человеком, а кто – машиной. Если это ему не удастся, значит, задача создания «искусственного интеллекта» достигнута.

– Там действительно не только нападение на остров, – сказал Уоллес. – Там полный провал операции, большие потери и масса пленных. Пока неизвестна судьба некоторых важных документов...

– Ваши люди настолько идиоты, что отправляются на «острую операцию» с секретными бумагами? – изобразив подчёркнутое удивление, спросил Воронцов.

– Мы с этим будем разбираться, – промямлил премьер.

– А по какой бы ещё причине я к вам лично явился? – в стиле неизвестного Уоллеса Бендера поинтересовался Воронцов. – Идиотская акция налицо, причём позорно проваленная. «Люди короля» в плену и наверняка сейчас, перебивая друг друга, дают признательные показания под угрозой сдирания шкуры заживо с последующей варкой в оливковом масле. Думать надо, с кем связывается. Там ведь не только турок, там ещё калабрийцы, сицилийцы и наверняка хоть парочка русских...

Премьер довольно сбивчиво начал разъяснять посланцу таинственного Сарториуса всю нелепую цепь случайностей, нестыковок и заведомую неконструктивность нынешнего устройства британской бюрократии, приведшую к столь нежелательному результату.

– Это, в общем, не ко мне, – ответил достаточно благодушно Воронцов и чуть не добавил: «Обращайтесь во всемирную лигу сексуальных реформ». Но вовремя остановился, решив, что увлекаться не стоит.

– Мне моё время ещё дороже, чем вам – ваше. Поэтому отвлекаться не будем. Для того чтобы урегулировать инцидент, вам следует лично обратиться к господину Катранджи, пока он не «дал ход» этому делу. В своём, конечно, понимании. О чём и как договоритесь – меня не касается. В любом случае ваш с ним *семейный конфликт* предстоит самим и решать. Так, чтобы он не повредил «общей цели». То есть он может потребовать с вас всё, что пожелает, и мы препятствовать не будем. Но война с Россией должна начаться независимо от ваших разборок. Срок – не позднее такого-то числа.

Главное, ради чего Воронцов и затевал весь цирк, было сказано – названа дата «часа Ч», или, по англо-американски выражаясь – «Дня Д»¹⁴. Такая уж людская психология – если приказано свыше «не позднее», то позднее не начнут, но и раньше тоже, обязательно найдётся какая-то «непришитая пуговица». Теперь же всё ясно – премьер напуган и одновременно озлоблен настолько, что остальное должно пройти без сбоев.

На обед Воронцов не остался: дополнительная пощёчина, ведь, решив все неприятные вопросы, джентльмены могли бы за хаггисом и ростбифом как-то сгладить *случайные противоречия*. Только Дмитрию этого не требовалось. Следующий раз пусть с премьером Берестин общается, это у него наследные принцы в друзьях ходят.

Из Замка он позвонил непосредственно Ибрагиму. Как в соседний квартал того же города, даже не задумавшись, что сам он сейчас находится в месте и времени, далеко предшествовавшем открытию Америки не только Колумбом, но даже и викингами. Чистый Гаррисон с его «Фантастической сагой».

– Как там у тебя? Я только что с Уоллесом закончил беседовать. Ничего не изменилось? Клиенты твои колются?

Для простоты Воронцов избрал для общения с Катранджи стилистику петроградских студенческих кругов. Не так важно, что сам он учился во «фрунзенке», а Ибрагим в другой реальности в штатском Университете, главное, что примерно в одном возрасте они ходили по одним и тем же улицам и мокли под теми же бесконечными дождями, находя приют то в раз-

---

¹⁴ «День Д» – кодовое обозначения 6 июня 1944 г., начало операции «Оверлорд», попросту – десанта в Нормандии и открытия Второго фронта в Европе.

ного рода кабачках, то в неизменных с времён Достоевского «съёмных квартирах» центральных, но захолустных переулков.

– Нет, всё нормально. Напели достаточно, хоть на пожизненную каторгу, хоть на свержение Кабинета министров.

– Свержение нам как раз ни к чему. Долго второго «Гаммельнского крысолова» искать придётся. Он тебя, по моим расчётам, в ближайшие полчаса-час искать начнёт. Передай секретарям, где ты есть, и чтобы соединяли немедленно. Можешь требовать с него, чего душевненьке угодно. Хоть в финансовом вопросе, хоть в политическом. В обоих сразу тоже можно. Клиент спёкся и жить хочет больше, чем иметь красивые похороны в Вестминстере. Так что полная свобода твоему воображению. Но воевать за него ты в конце концов согласишься. Только уточни, где и с кем для подписания стратегического союза выступишь. Нет, подписание обязательно, на словах бритты чего хочешь наобещают – царской России в пятнадцатом году Стамбул клялись отдать. Так что бумажка в руках нужна. Окончательная. Пользоваться мы ею, скорее всего, не будем, но им этого знать необязательно.

В целом задачу свою Воронцов выполнил. Здесь война начнётся в точно известный момент, что исключает ненужные случайности. Определённый им срок даст возможность Берестину и Секонду завершить все приготовления и к первому удару неприятеля, и к предполагаемому законом Ньютона ответу. А Фёсту он обеспечивает полную свободу действий на *избранном поле деятельности*. Поскольку совершенно неожиданно и как бы попутно Дмитрию открылась одна интересная вещь, несколько последних лет являвшаяся непроницаемой тайной и для Новикова с Шульгиным, и даже для *самого* Антона.

А по сути дела, кто такой Антон? Ну, персона, приставленная, чтобы осуществлять определённую коммуникацию между Замком, Землей и самими форзейлями, как выяснилось, именно над Замком и не властными.

Зато сейчас, в ходе очередной импровизации, Воронцов смог получить от Замка разгадку словно бы неразрешимой по определению задачи. Случайно или нет – другой вопрос. Но Дмитрию казалось, что он сумел изящно переиграть несравненно более информированную и одновременно с человеческой точки зрения наивную *структуру*. Грубо говоря, вынудил проболтаться очередного ибн-Хоттаба, как в любимой с детства книге Волька вынуждал на разные интересные поступки своего джинна.

До него неожиданно дошло, в виде «гениального озарения», какое снисходило на пришельцев с Андромеды из рассказа Рассела «Будничная работа», что означали те таинственные события вокруг резиденции тогда ещё Великого князя Олега – Берендеевки, и одновременно в параллельной, *их* Москве, откуда некие люди при участии бывшего аспиранта Шульгина осуществляли экспансию в соседнюю реальность.

Они тогда так и не сумели установить, кто же или *что* стояло за людьми, создавшими «Институт глубокого нейропрограммирования», называвшими себя «Союз озабоченных гуманистов» и умевшими перемещаться через межвременную границу. И даже наладившие весьма прибыльную торговлю «билетами в один конец» для людей, желавших эмигрировать. Но не в благополучные швейцарии и голландии, пребывающие тем не менее на этой же самой планете, а значит, подверженные всем бурям и катаклизмам XXI века, обещающего не меньшие потрясения и беды, чем век минувший, а в совсем другую, идиллическую и пасторальную реальность – длящийся и длящийся «серебряный век», где по-прежнему прочно сидит на троне «батюшка царь».

Культура андромедян, согласно Расселу, создавалась благодаря отдельным озарениям, которые из века в век добавляли к ней всё новые и новые факторы, возникая из ничего каким-то необъяснимым образом. Причём озарения приходили спонтанно, сами по себе. Их нельзя было искусственно вызвать, какой бы острой ни была потребность в них.

Примерно так же получилось сейчас у Воронцова. Сколько всех доступных технических средств и «мозговых штурмов» они тогда предприняли, пытаясь выяснить, с какой это «четвёртой силой» столкнулись, считая себя, Игроков и Держателей тремя первыми. Даже Антон бессильно развёл руками. И Замок ему не помог. А оказалось, нужно было чуть-чуть по другому поставить вопрос...

Или, что вероятнее, Антону Замок не счёл нужным помогать. А ему, значит, счёл... Не вполне понятно, но несомненно приятно.

Теперь дальше. Эти самые «Озабоченные гуманисты» не только научились проникать сквозь «изоляцию провода» в кабеле, они ещё смогли получить аппаратуру, позволяющую создавать у значительных масс людей гипнограммы высшей пробы. Такие, что человек принимал их за высший приоритет. В какое бы вопиющее противоречие со здравым смыслом внушённая информация ни вступала, «загипнотизированный» продолжал утверждать своё, присягать, клясться на чём угодно, идти под пули и на костёр...

Тогда почему после разгрома их «Института» и пленения Затевахина со всем его «железом» и программами¹⁵ деятельность «гуманистов» прекратилась? Как бабка отшептала.

Подожди, сказал себе Воронцов, что значит прекратилась? Из наших глаз исчезла верхушка айсберга, всего лишь. Будто лодка погрузилась, спрятав рубку, но оставив на поверхности головку перископа.

Допустим, тот шульгинский аспирант на самом деле сделал стопроцентно уникальное открытие насчёт тотального программирования, и повторить его «озабоченные» не в состоянии. Но все остальные возможности остались. А вероятно, и уцелел какой-нибудь «демонстрационный образец», и оператор при нём. Тогда кое-кого они подчинять своей воле всё-таки могут. Пусть и в индивидуальном порядке. И организация никуда не делась. Как ловко только что спрятались концы от антипрезидентского заговора! Один в один, как в дни «Мрака и тумана». До предпоследнего исполнителя – вот они, а дальше – обрыв цепи.

То есть эти ребята от своих замыслов не отказались, просто решили зайти с другого конца. И «Сарториус» – их подлинный главарь или просто обозначение должности в иерархии этих самых «гуманистов». Тогда, попутно, становится понятна и загадка нераспространения информации о параллельной Земле в этом мире. И у нас, и за рубежом о ней знают многие, но «идея отнюдь не овладевает массами». Массы остаются к ней в лучшем случае безразличны. Это и нам на руку, но противнику сохранять тайну почему-то важнее.

Воронцов почувствовал, что мысли у него начинают слегка путаться. Перетрудился он сегодня.

Встал и по внутренней лестнице спустился всё в тот же «Бар первого дня». А что, неплохое название. Взял из окошка выдачи большую чашку кофе и ликёр «Селект», к которому пристрастился как раз в дни своего безмятежного отдыха в Сухуми, перед началом *всего этого*. Да, ещё непременно нужна бутылка боржоми, как можно сильнее газированного, из холодильника.

Теперь всё нормально. Набить трубку, закурить.

– Ну что, Замок, давай побеседуем насчёт Сарториуса и прочего? Ты не возражаешь? – сказал негромко, но вслух. – Если не хочешь – молчи, я не обижусь. Просто мне кажется, нам обоим будет полезно...

Он, честно сказать, не ждал немедленного ответа. С очень большой вероятностью его могло не быть совсем или прозвучать в весьма неконкретном виде. Вроде слов Дельфийского оракула.

Однако Замок отозвался сразу. Из-за драпировок на стене, словно за ними был спрятан обычный динамик, прозвучал приятный баритональный голос.

---

¹⁵ См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

– Хорошо, давай поговорим. Мне и самому кажется, что обстановка вокруг вас нуждается в корректировке, самим вам едва ли удастся справиться...

Глава вторая

Фёст неожиданно отметил за собой вдруг возникшую привычку – задумываться ни с того ни с сего. Сколько-то времени жизнь шла, как ей и следует, в бесконечных повседневных делах и заботах. А забот этих и дел у человека, который совершенно добровольно взвалил на себя обязанность отвечать за окружающий мир и по возможности стараться сделать его хоть немного лучше, мало быть не может. Их гораздо больше, чем у любого другого, выполняющего свои обязанности, хоть бы даже и президентские. И вдруг внезапно *накатывает*. Неудержимо хочется *остановиться, оглянуться...*

Фёст произнёс эти два слова, когда-то ставшие названием очень популярного романа известного журналиста, а ещё раньше – началом стихотворения поэта, так и не ставшего популярным. Захотелось вспомнить целиком, и без помощи *протезов памяти*, естественным образом. На это ушло минут пять, не меньше, но не зря ведь специалисты говорят, что человеческий мозг не забывает ничего. И – сейчас тоже получилось:

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.
Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться.
Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!
Согласен в даль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться –
Но дай хоть раз ещё успеть
Остановиться, оглянуться...¹⁶

Хорошо. Даже очень хорошо. Почти каждый склонный к рефлексиям человек может к себе применить.

Не хотел Вадим Ляхов для себя ничего из того, что сейчас происходит. Вернее, хотел, чтобы всё вокруг в той, предыдущей жизни, поменялось, но только – само по себе, волей *исторических сил*, без его участия. Он никогда ни в чём «общественном» не хотел участвовать, разве только в комсомол вступил, тоже по инерции, с разгону, как все, за год до кончины этой (не самой плохой, теперь можно признать) организации. Но ни на какую политическую карьеру тоже не рассчитывал, хотя вокруг очень многие бредили только этим. Уж больно широкие перспективы, как большинству окружавших его людей казалось, открывались с падением монополии КПСС и наступлением «свободы». До пресловутого Перевала так и жил, стараясь делать что должен и по возможности избегать всего остального, кроме доступных ему развлечений – занятий спортивной стрельбой, охотой, путешествиями, преферансом...

---

¹⁶ Роман – Л. Жуховицкий. Остановиться, оглянуться. М., 1965 г. Стихотворение – А. Аронов, при жизни книжных публикаций не было.

А потом случился Перевал и после него – смерть не смерть, жизнь не жизнь, а так, не пойми чего, но со всеми признаками в общем-то жизни. Вот у Эдмона Дантеса когда началось нечто подобное – после ареста, после полёта в никуда в мешке с двухпудовым пушечным ядром, или когда он перегружал сокровища кардинала в сундуки своей яхты?

Частые обращения к роману, явно не входящему в списки Великих книг человечества, – это от Александра Ивановича Шульгина, сыгравшего в жизни скоромного армейского лекаря Вадима Ляхова ту же примерно роль, что аббат Фариа в жизни молодого, никому не известного моряка.

И от Шульгина же – непонятное «демократически настроенным» знакомым стремление в очередной раз спасти мир. Хорошо хоть, инфекция проявилась в достаточно стёртой форме, не так, как у Ленина, Троцкого или Гитлера. Но и то, что он уже успел, с теорией «малых дел» не слишком соотносится.

Однако, опять же «остановившись, оглянувшись», следует признать – ему себя особенно упрекнуть не в чем. Не слишком обширных познаний Вадима (но всё же неизмеримо больших, чем у членов так называемых «экспертных сообществ», расплодившихся во множестве) в историческом материализме, геополитике и самой обычной всеобщей истории хватало на то, чтобы понять – предпринимаемое им здесь и сейчас, с помощью Секонда, Сильвии, остальных рыцарей «Братства» – это как раз то, что в человеческих силах сделать, не превращаясь в «Бога» в каком угодно смысле, чтобы не допустить человечество от сваливания с «лезвия бритвы» в пропасть вселенского зла.

Он усмехнулся. Высокопарно звучит и на первый взгляд отчётливо отдаёт манией величия как минимум. И тут же успокоил себя, как будто в этом была необходимость: а разве любой человек, ныне причисляемый к «великим» или хотя бы «замечательным»¹⁷, не тем же самым при первой возможности заниматься начинал? Империи строить, «Либерте, эгалите, фратерните» учинять, на худой конец – единомыслие внедрять. Так спасибо Александру Ивановичу и его друзьям – до уровня подсознания обеспечили понимание того, где в своих «благородных начинаниях» остановиться нужно: за шаг до «точки невозврата», от которой начинается известно чем вымощенная дорога в ад.

Вот, например, есть у него в личном распоряжении небольшое устройство, всего вдвое больше размером, чем обычный ПК (персональный компьютер, а не пулемёт Калашникова), предназначенное для совмещения пространства и времени. Вообще-то Левашов не совсем правильно своё изобретение поименовал. Совмещение там имеет место, но гораздо важнее – перемещение вдоль и поперёк пространственной и временной координатных сеток. На пароходе «Валгалла» есть такое же, но раз в десять больше и мощнее, но ему и своего хватает.

Фёст потушил лампу на письменном столе, пересёк кабинет и сел на широкий подоконник открытого в сторону Красной площади окна. Отчётливо видны были звёзды на двух ближних башнях. На этот раз он решил покурить трубку, за обычной суетой на неё никогда не хватало времени. А сейчас можно. При должном умении единожды набивши, можно попыхивать хорошим «Петерсеном» полчаса и больше. Думать весьма помогает, если есть о чём.

Так, значит, об СПВ он начал? С помощью этой машинки «отцы-основатели» «Братства» получили возможность в легендарные «ранние восьмидесятые» творить на Земле абсолютно всё, что в голову взбредёт. А как иначе, если можно невидимо и неосязаемо открыть проход в любую точку современного пространства или почти любой миг прошлого и будущего. С известными ограничениями, касающимися в основном времени – пойти-то пойдёшь, а вот вернёшься

---

¹⁷ Вот здесь таится некая, одна из многих хитростей русского языка – слово «замечательный» как-то больше ассоциируется у большинства с «восхитительный», «великолепный» и т.п., но не с истинным смыслом – «ставший заметным», по Далю – «стоящий внимания». Сходно с инверсией слова «изумительный», т.е. способный «привести в изумление», «в бессознательное состояние», напр: «В ходе дознания испытуемый в изумление пришёл».

вряд ли. Нет, кажется, упражняться с временем Левашов попозже начал, вначале только пространственно перемещался, но не телепортировался, а совсем наоборот, *притягивал* к аппарату нужную точку земной (и не только) поверхности, после чего открывал туда проход. Или – *окно*, с одно– и двусторонней проницаемостью только для фотонов, но не материальных тел.

Впрочем, о тех временах Вадим знал не слишком много, лишь то, что считали нужным рассказать сами «братья» и «сёстры» или описал Новиков в своих пресловутых «Записках», которых целиком, пожалуй, никто и не видел. Более того, Ляхов подозревал, что для разных читателей имеются и разные варианты текстов, то рукописных, то отпечатанных уже на лазерном принтере. Оно и понятно, когда Андрей Дмитриевич начинал свой труд, даже матричных не существовало, только перьевая авторучка с чернилами разных цветов (часть тетрадей заполнена чёрными, часть синими, зелёными и даже красными) и ещё механическая пишмашинка марки «Москва». До сих пор стоит на почётном месте в кабинете Новикова.

А что это значит реально – пользоваться СПВ ради собственного удовольствия? Можно из своего кабинета шагнуть в любую точку Земли или всей Галактики, узнать любую тайну, чью-то личную, государственную или историческую, взять что угодно (хоть из казематов форта Нокс, хоть из сокровищницы царя Соломона), убить, кого заблагорассудится, без следов и риска разоблачения. Даже атомным зарядом без особого труда обзавестись можно и использовать его хоть для шантажа, хоть сразу по прямому назначению.

И почему, в таком случае, все эти сказочные возможности не реализовать, в меру способностей и фантазии?

Вот в этом и суть того, что весьма старательно и умело передавал своему воспитаннику, а в перспективе и правопреемнику Фёсту Александр Иванович. Начиная с простейшего афоризма какого-то заграничного мыслителя или просто опытного человека: «Отнюдь не всё, что можно сделать безнаказанно, следует делать». Ну и дальше углублял и углублял эту тему, оперируя и «нравственным императивом» Канта, и многими историческими примерами, но в большинстве – собственными философски-логическими построениями.

Одним словом, в результате более чем годичной индивидуальной подготовки Вадим Ляхов с псевдонимом Фёст превратился в личность не то чтобы идеальную, но весьма квалифицированно разбирающуюся в том, «что такое хорошо и что такое плохо» почти во всех областях общественно-политической деятельности. Настолько же не походящего на себя исходного, как граф Монте-Кристо – на свою *заготовку* — Эдмона Дантеса.

Он (Фёст), признаться, с самого раннего детства отличался некоей врожденной тягой к справедливости, придерживался самостоятельно выработанного «кодекса чести», помогал людям, даже совсем этого не заслуживавшим, ни разу не воспользовался так называемой «минутной слабостью» знакомых девушек. За это многие друзья над ним подшучивали, но в итоге почему-то всегда оказывалось, что он был прав, а друзья заблуждались. И подтверждалось это подчас самым жёстким образом.

Да, в конце концов, что, как не эти самые *понятия*, толкнуло его остаться со своей винтовкой на Перевале вместе с майором Тархановым, хотя врачи, особенно в миротворческих силах ООН, считались *некомбатантами*¹⁸. И, значит, он мог забрать раненого бойца и спокойно катить в тыл, радуясь, что и сам выжил, и женеvских конвенций не нарушил.

Под руководством Шульгина эта его «врожденная порядочность» приобрела весьма солидный теоретический и психологический багаж, и отнюдь не только в виде «десяти заповедей Моисея» и постулатов Нагорной проповеди.

¹⁸ *Комбатант* (франц. – «воин, боец») – в международном праве лицо, входящее в состав вооружённых сил и непосредственно участвующее в боевых действиях. Комбатантами считается весь личный состав регулярных вооружённых сил (кроме медработников и некоторых других), а также ополчений, партизанских отрядов и др.

Вот и сейчас: в результате его (чего уж тут стесняться – прежде всего именно его) деятельности этот родной ему мир подведён к грани очередной «холодной», а то и «горячей» мировой, в перспективе, войны. А почему? Потому что не было сил не вмешаться в происходящее. И дело не в том, хорош или плох оказался нынешний российский Президент и его окружение, хорош или плох, в конце концов, сам народ, допустивший (или лучше сказать – доведший) страну до такого именно состояния. Да, да – именно народ, никто иной. Нет чтобы году так в тысяча восемьсот шестьдесят первом удовлетвориться дарованными Царём-Освободителем реформами, да и начать на их базе потихоньку-полегоньку отстраивать на одной шестой части суши свою персональную Швейцарию, не беря в голову никаких «прельстительных идей» вроде «любая собственность есть кража», «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей» или даже проще – «всё отнять да поделить».

Вот не поддался бы народ, продолжил бы любого «агитатора», как в ранние времена «Народной воли», хватать и тащить в участок, может, и не пришлось с ручным пулемётом по подмосковным лесам бегать, спасая нынешнюю власть, а точнее сказать, всю страну от очередного *хрустящего* оборота «Красного колеса».

Ну, спасли, предположим, «молодую», а также «суверенную» российскую демократию от повторения февраля семнадцатого. Так теперь «заклятые друзья» и одновременно «стратегические партнёры в борьбе с терроризмом» в открытую намекают, что лучше бы вам, ребята, ныне и впредь не делать резких движений, а то обидимся мы всерьёз, и вот тогда...

Поэтому лучше сами снимайте штаны и ложитесь на лавку. Посечём немного для вразумления, особо больно не будет, и воцарятся у вас настоящие тишь, гладь и сплошные права человека. Прямо как в «Вороньей слободке». Чем там, кстати, начатая поркой Лоханкина история кончилась?¹⁹

Опять же сам он, Фёст, пользуясь моментом, буквально заставил *нашего* Президента весьма грубо и вызывающе говорить с *ихним*. Чтобы довести того до белого каления.

А зачем?

А вот затем, чтобы сейчас и наступил «момент истины». Кому на этой планете *банк держать*.

Чего, казалось бы, проще – открыть с помощью СПВ окно в Овальный кабинет Белого дома и швырнуть туда пару гранат, как Уваров в варшавском Бельведере. А потом ещё и ещё, в разные кабинеты от Антарктиды до Северного полюса, пока некому будет России ультиматумы диктовать, включая «двенадцать сионских мудрецов», «семь подземных королей» и ещё какое-то количество членов «добровольных некоммерческих организаций».

А вот нельзя. И причины этого «нельзя» пришлось бы объяснять слишком долго. Некоторые ответы можно найти, перечитав «Трудно быть богом». Но только некоторые. Чтобы все – слишком много самых разных книг перечитывать придётся.

Зато можно по-другому. Ненасильственными, так сказать, методами.

Фёст с сожалением соскочил с подоконника. Сидел бы так и сидел. Внизу как раз началась вечерняя московская жизнь. Он с некоторой иронией подумал, что совсем недавно этот переулочек ничем не отличался от сотен окрестных, разве что при советской власти хороший букинистический магазин здесь имелся. А сейчас, он буквально на днях в газете прочитал – Столешников по цене аренды «нежилых помещений» стал самым дорогим местом в Москве, как бы даже не во всей Европе. Всего-то стоило начать работать в одной из квартир тайному офису непонятной организации. Едва ли это можно назвать совпадением.

В мастерской Лихарева, очень нравившейся Вадиму (потому что чрезвычайно она напоминала лабораторию при кабинете физики в его любимой школе), он, перед тем как привести в действие установку СПВ, что всегда, даже без всяких иных *потрясающих мироздание* дей-

¹⁹ «Воронья слободка» запылала, подожжённая со всех четырёх концов». Или как-то так...

ствий было чревато катаклизмами планетарного масштаба, но в то же время благодаря «теории невероятности» было довольно безопасно, трижды сплюнул через левое плечо. Многим такие простейшие приёмы техники безопасности помогают. Потом включил Шар – агтрианский универсальный информационно-поисковый прибор, по результатам – вроде «Гугла» или «Яндекса», только без лошади. Как паровоз.

Набрал установочные данные на искомый объект, потом – последовательность выполнения некоторых, по отдельности весьма простых заданий.

У президента США была очень удачная фамилия и сложное происхождение. Фамилию свою он мог писать двояко, и до избрания, в быту, там, где не требовалось предъявлять удостоверения личности или заполнять финансовые документы, пользовался ирландским вариантом – О'Йама, что для Америки почти нормально. Статус ирландцев по не совсем понятной причине был там значительно выше, чем южноевропейцев или, упаси Бог, славян. Может, потому, что культовый президент Кеннеди тоже из них, из ирландцев. Хотя сам по себе народ ну абсолютно ничем не выдающийся на фоне соседей по континенту и окрестностям. Ну, рыжих много, ну, картошку очень сильно любят, что однажды чуть не привело к исчезновению их как самостоятельного народа²⁰. Но у нынешнего персонажа ирландцы по материнской линии в роду были, и никуда от этого не денешься.

На самом же деле его настоящая фамилия звучала и писалась – Ойяма, поскольку был он прямым (но побочным – такое случалось) потомком, хотя и давно натурализовавшимся, известного японского принца, маршала, военного министра, начальника Генерального штаба, в Русско-японскую войну – главнокомандующего сухопутными войсками, а с 1912 года носившего пожизненное звание гэнро, то есть члена совета старейшин при императоре²¹.

То есть происхождение нынешнего президента было аристократическое дальше некуда. Правда (об этом биографы умалчивали), его прадед, сын маршала от двоюродной сестры, ещё в конце девятнадцатого века за какие-то несовместимые с самурайством провинности был изгнан из рода, лишён всех прав состояния и эмигрировал в Северную Америку, что тогда было довольно модно в двинувшейся по пути цивилизации и просвещения феодальной империи, вполне варварской по каким угодно меркам.

Арканар не Арканар, но очень вроде того.

За прошедшую сотню лет потомки разжалованного самурая, ронина²², попросту говоря, вполне американизировались, многократно вступая в браки с «лучшими представителями многонационального населения «великой западной демократии». В череде предков, родственников и свойственников президента оказались даже мексиканцы и отчего-то затесался какой-то алеут (голос крови свёл, наверное).

Однако внешность Мишель Ойяма имел почти европейскую, ну, чуть-чуть с азиатчиной, любил на собственном примере демонстрировать полный триумф американского *мультикультурализма* (а также и «плавильного котла»), умел долго и красиво говорить, в результате чего был триумфально избран президентом, правда, с перевесом над соперником всего

²⁰ В середине XIX века на картофель в Ирландии напал какой-то вредитель, отчего случился страшный голод. В результате это вызвало массовую эмиграцию ирландцев в США. Нынешнее население Ирландии (без Северной, входящей в состав Великобритании) – около 3,5 млн человек.

²¹ Ояма (Ойяма) Ивао (1842–1916).

²² *Ронин* – в средневековой Японии деклассированный самурай, покинувший сословие и должность при сюзерене по какой-либо причине, в том числе изгнанный за неблагоприятные поступки. Чаще всего ронины становились такими «странствующими рыцарями» с японским колоритом, разбойниками и т.п. С наступлением «нового времени», т.е. эпохи Мэйдзи (буквально – «просвещённое правление», аналог европейских буржуазно-демократических революций, но характерный тем, что «революция» 1867–1868 гг. восстановила полновластие императоров, ранее находившихся в подчинении у крупных феодалов), некоторые из ронинов пополнили ряды «бизнесменов» и «лиц свободных профессий». Поэтому, в том числе, «японский капитализм» сильно отличался от пореформенного российского, «исходный материал», так сказать, разный.

в 1,1%, что вполне укладывается в пределы статистической погрешности, особенно если в родном штате бюллетени пересчитывали трижды, выискивая бракованные. Но если *где нужно* решили, чтобы президентом на следующий срок стал именно он, – так тому и быть.

Да и вообще... Никто до сих пор не удосужился *наглядно* объяснить *простым американцам*, что напрасно они пытаются учить другие народы *демократии*, ибо сами они об этом *феномене* не имеют никакого представления. За всю историю страны ни один американец никогда не участвовал в тех самых *прямых, равных, всеобщих и тайных* выборах верховной власти, что являются «священной коровой» хотя бы в России, начиная с революции 1905 года. Там «выбирают» каких-то «выборщиков», которые тоже никого не выбирают. Просто считают (тоже неизвестно кто), к какой партии эти «выборщики» принадлежат. У какой хоть на одного больше – та и победитель, та и *назначает* своего президента. Независимо от реального отношения граждан к этим самым кандидатам. Ничуть не демократичнее получается, чем выборы Калигулой в римский Сенат своего коня.

Но тем не менее Ойяма «победил», и в тот же миг весь «цивилизованный» (то есть тот, где принято восхищаться Штатами, даже когда они бомбят твою собственную столицу) мир охватила «Ойямомания». Вроде того что после распада СССР и мнимого окончания «холодной войны» очень короткое время происходило вокруг имени и личности Горбачёва.

Ирландо-японо-алеуту, олицетворившему торжество мультикультурализма и политкорректности (жаль, что он открыто не объявил себя ещё и пассивным педерастом – недобор получился), немедленно, буквально через месяц после избрания и единогласно (Россия, по счастью, в этом постыдном действе не участвовала), присудили Нобелевскую премию мира, впервые в истории главе государства, ведущему сразу две войны и ещё к двум открыто готовящемуся.

И потом ещё года два СМИ «золотого миллиарда» ежедневно рассказывали остальному миру, что вот-вот наступит «всё сразу»: прекратится мировой финансовый кризис, сами собой закончатся все войны, мигрантов всех племён и рас (кроме русских и православных славян, естественно) в Европе и англосаксонских странах уравниют в правах с аборигенами, причём с правом пожизненного наследуемого вэлфера²³. И ещё наступит «перезагрузка»²⁴.

При этом как-то совсем незаметно кризис разгулялся пуще прежнего, захватив даже самые ранее благополучные страны. Исламский терроризм вырос до невиданных масштабов, ранее стабильные и *постепенно цивилизующиеся* страны Северной Африки и Ближнего Востока начали стремительно, при деятельной помощи Запада, проваливаться в Средневековье. Американцы проиграли две уже тянувшиеся по десять лет войны, но не перестали готовиться к новым.

Одним словом, жизнь на Земле шла нескучная.

Президент Ойяма в начале своего первого срока любил воображать себя реинкарнацией Джона Фицджеральда Кеннеди²⁵ и имел, нужно отметить, к этому некоторые основания, даже не считая ирландских предков. Он, например, умел читать толстые книги, не шевеля губами, и даже имел дипломы о двух высших образованиях.

²³ *Вэлфер* – государственное пособие, позволяющее всем желающим жить в принимающей стране не работая, не служа в армии, вообще не имея никаких обязанностей «человека и гражданина» (в отличие от «прав»). Очевидно, придумано «коммунистами» ещё при Сталине для разложения «свободного мира».

²⁴ Пропагандистский термин, аналог «разрядки» 70-х годов прошлого века, означающий такое *желаемое* изменение взаимоотношений США и РФ, которое лучше всего определяется русской пословицей «и волки сыты и овцы целы». То есть вдруг всем станет хорошо без каких-либо видимых усилий и репутационных затрат. Но Америке всё-таки немножечко лучше.

²⁵ *ДФК* – (1917–1963), 35-й президент США (1961–1963 гг.). Считается самым молодым, самым образованным и реалистично мыслящим человеком на этой должности. Ирландского происхождения, католик. Окружил себя интеллектуалами – «яйцеголовыми», что вызвало к нему всеобщую ненависть реально правящего в США класса. Довёл мир до порога термоядерной войны (т.н. «Кубинский кризис» 1962 г.), но совместно с Н. Хрущёвым сумел вовремя остановиться. Попытался проводить более реалистичную политику в отношении с СССР, чем-то напоминающую политику Ф.Д. Рузвельта. Убит в Далласе в ноябре 1963-го. Организаторы и заказчики убийства до сих пор не установлены. Брат ДФК – Роберт Фрэнсис Кеннеди, министр юстиции, намеревавшийся раскрыть преступление, убит в 1968 г. после выдвижения себя кандидатом в президенты США.

В общем, был это выскочивший, как чёртик из табакерки, или как Чичиков в городе № новоявленный кумир «интеллектуально-либеральной» Америки, а то и всего «цивилизованного» мира, к которому Россия, естественным образом, не относилась.

В компенсацию этому странному торжеству *толерантности* «азиатского выскочку» сразу возненавидела вся консервативная и попросту «глубинная» Америка. Рэднэки так называемые. Негр не негр, а всё равно чужак, да ещё и с «идеями», пусть самыми робкими, но намёками на какой-то там *реализм* (Хрущёв бы непременно сказал «реализм» и был бы в чём-то прав) во внешней и внутренней политике. Не забудем, на вполне постановочных выборах ему нарисовали лишь 51,1 процента голосов «за». Даже чуть меньше, как намёк, наверное.

Поначалу как-то обходилось, и весь первый срок президент надеялся, что ему удастся реализовать большинство своих, в целом не слишком глупых идей, но потом всё сразу изменилось. Где-то он, сам не заметив, переступил некую черту, или истинные «хозяева жизни» сочли, что поигрались – и будет. И решили *укоротить поводок*. Вот тут Ойяма на личном опыте убедился, что вопреки сказкам про американскую демократию (в которые он до последнего искренне, на грани слабоумия, верил, что странно при его образовании и жизненном опыте) и пропагандистским штампам о всевластии американского президента на самом деле он не может ничего. Вообще ничего! Ни сказать, ни сделать что на службе, что в личной жизни. Разве что жену обматерить по-японски, убедившись, что рядом нет микрофонов.

Любое его слово, если оно не понравится кому-то из тех, кто принимает *настоящие решения*, может закончиться грязной кампанией в самой свободной прессе: «пятнами на платье», «сигарой с биологическими следами», «подслушиванием конкурентов», смешиванием с дерьмом и последующим циничным импичментом. Вспомните хоть Никсона²⁶, хоть Клинтона, если не углубляться слишком далеко в прошлое. В общем, полная свобода передвижения человека, привязанного к паровозу.

Ума и азиатской сообразительности Мишелю Ойяме хватило, чтобы наконец понять, чего стоит его «свободомыслие» и где границы его власти и даже свободы. Окончательно всё стало ясно, когда в политические наставники ему демонстративно были определены два давно переваливших восьмидесятилетие ветерана «холодной войны». Руководить «чёрной кассой» государства стал тоже ассимилированный еврей (национальность здесь, разумеется, значения не имеет, нашёлся бы столь же пронырливый эстонец – да ради Бога!), но всего лишь семидесяти лет от роду, зато печатающий доллары станок стоял у него чуть ли не в спальне. И вставать не надо, проснулся, ткнул пальцем – ещё триллион госдолга, извольте получить. Прямо как в Зимбабве²⁷.

Затем те, кому *положено*, выбросили на ломберный стол сразу четырёх дам – назначив их на должности госсекретаря, директора АНБ²⁸, советника по национальной безопасности и

²⁶ С Никсоном вообще смешно. Его подвергли импичменту за микрофоны, установленные в отеле «Уотергейт», штаб-квартире конкурентов на выборах. Причём так до конца неизвестно, кто устанавливал и что прослушивал. А вот разоблачения США в организации тотальной прослушки всех лидеров западного мира никаких серьёзных последствий не вызвали. Все дружно согласились, что «Большой брат» – «право имеет!». Что ещё раз подчёркивает величие «американской демократии» – президент не имеет права на какие-либо действия, не согласованные с «закулисой». А Никсон явно не согласовал. Впрочем, Кеннеди (2 экз.) просто пристрелили.

²⁷ В этой избравшей в качестве государственной политики «апартеид наоборот», некогда богатейшей Родезии, под властью «чёрных» инфляция очень быстро достигла чисто германских масштабов 1923 года – за один американский доллар давали ровно миллиард зимбабвийских. И печатались дензнаки с двенадцатью нулями.

²⁸ Агентство национальной безопасности – составная часть системы американских спецслужб, официально занимающееся сбором и анализом разведывательной информации по всему миру и любыми способами. То есть президенту может быть предложена какая угодно должным образом сконструированная информация, хоть про «сибирскую язву» в хранилищах Ирака, хоть о запланированном на завтра нападении России на Аляску. Избежать такого «промыывания мозгов» можно только путём создания собственной, никому, кроме президента, не подчиняющейся спецслужбы (как у Сталина), что в условиях США совершенно невозможно, но по причинам, весьма далёким от «демократии».

руководителя аппарата Белого дома. Все эти «дамы» (термин употребляется исключительно из вежливости, если кому сразу непонятно) отличались отвратительным характером, зоологической русофобией, истеричной агрессивностью и, похоже, традиционной для фашиствующих либеральных феминисток ориентацией. По крайней мере, три из них были незамужними от рождения, а четвёртая – прославившаяся многими скандалами «разведёнка».

Положение мистера Ойямы сразу стало значительно хуже губернаторского²⁹. Зачем далеко ходить – даже о разработке и начале реализации операции по устранению российского Президента, названной «Мангуста» (очевидно, исходя из змеиной сущности вражеского руководителя), ему удосужились сообщить как бы не самому последнему из «допущенных».

Это, пожалуй, было последней каплей, переполнившей чашу, или соломинкой, сломавшей спину буйволу...

Но как-то утром, встав, наверное, не с той ноги, потомок самураев вдруг ощутил приступ национально-фамильной злости. Не цивилизованной европейской, когда начинают грязно ругаться и крушить посуду и мебель, а исконной островной, где вынужденные жить в чудовищной тесноте, в домиках со стенами из соломы и бумаги люди выработали совершенно другие поведенческие схемы. Моветоном считалось не то, чтобы голос повысить, а чёткой личи дрогнуть до того, как врагу будет нанесён единственный, со стороны часто и незаметный удар...

У Ойямы не было никаких *личных* оснований желать падения руководителя второй по военной силе мировой державы. Да, «объект акции» не отличался выдающимися волевыми качествами, но искренне почитал право и «демократические ценности» и в личном общении был лучше многих коллег что по «семёрке», что по «двухдюжинке».

Моментами русский коллега пытался держать себя подчёркнуто независимо и открыто противоречил выражаемой США «воле мирового сообщества». Так он потому и был русским, достаточно русским, чтобы не соглашаться открыто капитулировать и признавать главенство единственной в мире «сверхдержавы». Но кто мог бы поручиться, что другой человек на его месте окажется хоть чем-то лучше или удобнее? Любому более-менее вменяемому политику известно, что, в отличие от математики, замена какого-либо члена в «уравнении» способна вызвать на самом деле «непредсказуемые последствия», и, допустим, устранение Гитлера в сорок четвёртом году могло вызвать не скорейшее окончание войны, а, напротив, её продолжение в бесконечность...

У Черчилля ведь были планы сразу после взятия русскими Берлина напасть на них вместе с интернированными, но не разоружёнными на Западном фронте немцами. Хорошо, что у Рузвельта были другие виды на «всемирную историю»³⁰.

Никакой угрозы для США сегодняшняя Россия не представляла. Медленно, но достаточно целеустремлённо она выкарабкивалась из трясины девяностых годов, но до того, чтобы составить реальную конкуренцию экономической мощи Штатов (даже без её сателлитов), ей потребуются много-много десятилетий. Если это вообще возможно – подравнять потенциалы при таком разрыве, не количественном даже, а качественном.

Другое дело – тот дурной пример, что она подаёт миру. Точнее – его недовольной американским диктатом части. Самим фактом очередного «ренессанса» делает *месседж* — мол, её рано списывать со счетов, за последнюю тысячу лет она и не такое видала, и считает, что по сравнению с Наполеоном и Гитлером нынешние противники выглядят *мелковато*, моментами просто жалко, несмотря на свою финансовую и военную мощь. Где гарантии, что другие страны с тысячелетним историческим опытом не сообразят, что, если все сразу пошлют «дядюшку Сэма» по известному адресу, деваться ему будет некуда. Что такое его жалкие две-

²⁹ Смысл этой метафоры автору не совсем понятен. По его мнению, было в Империи много куда худших должностей, например – начальник отдельного корпуса жандармов. Тому вообще никто из «приличных» людей руку не подавал.

³⁰ Здесь обыгрывается название трёхтомной книги Дж. Неру «Взгляд на всемирную историю».

сти тепличных лет в сравнении с пятью тысячами китайских, двумя тысячами персидских, да даже тысячей испанских и латиноамериканских?

Здесь, воленс-ноленс, Ойяма по-своему, как бы под совершенно другим углом и с других мировоззренческих позиций, с указанной точкой зрения соглашался. Деградация, и личностная и на онтологическом уровне, поразила не только Европейский Запад, но и Японию. Сегодня никто уже не готов, как в годы и Первой и Второй мировых войн, сражаться до последнего солдата и патрона, ходить в штыковые атаки и атаковать на торпедоносцах вражеские корабли, зная, что шансов вернуться от двадцати процентов до нуля³¹.

Да какая там мощь, если быть до конца честным с самим собой? Единственно, что её имитирует, – возможность бесконтрольно печатать чёрно-зелёные бумажки с портретами никому в мире не интересных людей, провинциальных адвокатов, четыре или восемь лет занимавших место в Белом доме. Разве сравнишь это «архитектурное сооружение» с Кремлём, Зимним дворцом, Петергофом, наконец? А какова резиденция правителя, такова и его психология, тут без вопросов. Архитектура – это, как известно, философия и история, воплощённые в камне. Как там Наполеон выражался во время своего Египетского похода: «Солдаты, сорок веков смотрят на вас с этих пирамид!»

А пресловутое «военное превосходство». За исключением опереточной испано-американской США уже третий век не выигрывали самостоятельно ни одной войны. Даже во Вторую мировую и Рузвельт, и Трумэн вынуждены были просить Сталина помочь, ибо без СССР даже с нищей, не имеющей природных ресурсов Японией великая Америка, располагающая атомными бомбами, уже сброшенными на незащищенные города, не надеялась победить раньше тысяча девятьсот пятидесятого года. При том что грядущие потери в живой силе заранее признавались неприемлемыми. Свободный американский народ не потерпел бы двух-трёх миллионов гробов; он и пятьдесят семь тысяч из Вьетнама не выдержал. На Корейскую войну пришлось мобилизовывать половину «членов ООН», на Иракскую и Афганскую – всех, включая молдаван и эстонцев. И всё равно проиграли.

Автоматически следовал вывод – воевать всерьёз с Россией, даже нынешней, США были физически и психологически не в состоянии. Никакие ПРО не помогут. Вопрос стоит только так – либо гарантированное взаимное уничтожение вместе со всей планетой, либо Америка проигрывает вчистую. Разумеется – только политически, об экономике речи пока не шло.

Оставалась лиддел-гартовская «стратегия не прямых действий»³². Вот специалисты-разведчики, аналитики, геополитики и финансисты и додумались решить вопрос раз и навсегда. Это были, честно сказать, очень странные «специалисты». Руководствуясь их теориями и рекомендациями, Америка за шестьдесят с лишним лет, прошедших после Второй мировой войны, ухитрилась потерять всё, что только возможно.

Нет, с точки зрения малограмотного обывателя, всё выглядело просто великолепно, но если посмотреть, как советовал какой-то русский поэт, «с холодным вниманьем вокруг», картинка вырисовывалась до крайности неприглядная. Достаточно сравнить геополитическое, финансовое, нравственное состояние США в тысяча девятьсот сорок девятом году³³ и сейчас. Тогда Америка была сильнейшим и богатейшим государством в мире, ей никто не угрожал и угрожать не мог даже теоретически. Сталин был бы рад, как они договаривались с Рузвель-

---

³¹ Во время Тихоокеанской кампании ВМВ были случаи, когда американские лётчики атаковали японские корабли на устаревших, тихоходных «девайстваторах», погибавших полностью, целыми эскадрильями, на глазах других пилотов. Но американцы продолжали воевать. Сегодня на подобные подвиги они уже не способны.

³² *Сэр Бэзил Лиддел Гарт* – автор одноименной книги, которую можно назвать «последней главой ненаписанного учебника европейской военной науки». Кратко стратегию не прямых действий можно определить как методику выигрывания войн невоенными средствами, по преимуществу – психологическими. А вообще лучше прочесть всю книгу.

³³ Год берётся не с потолка. Это последний по-настоящему мирный и спокойный год послевоенной американской истории. В 1950-м началась совершенно ненужная США война в Корее. (Спасибо Гарри Трумэну, который сбросил бомбы на Японию, создал НАТО и начал упомянутую войну.) И пошло...

том, без очередной войны разделить «бремя белого человека» по поддержанию порядка на Земле на двоих. Остальные страны и народы в этой «большой шахматной игре» должны были довольствоваться ролью пешек, в лучшем случае – зрителей. В Ялте³⁴ к этому были сделаны решающие шаги, но смерть Рузвельта и пришедший к власти человек с внешностью провинциального бухгалтера³⁵ всё испортили.

Колониальные державы наводили порядок в своих колониях, и никаким туземцам Африки, Азии и Латинской Америки в голову не приходило массово мигрировать в Европу и США, чтобы потребовать своей доли пирога, якобы отнятого у них. Да и жизненный уровень африканцев, «стонущих под пятой», в 1950 г. был в среднем вчетверо выше, чем сейчас, и ни о каких нынешних бедах не шло и речи.

Не существовало ни терроризма, ни проблемы наркотиков. Бреттон-вудский «золотой стандарт» – тридцать пять долларов за унцию – делал «гринбэк» действительно мировой валютой, твёрдой, как скала. Жизненный уровень «простого американца» неизмеримо превосходил всё, что имелось в разорённой войной Европе³⁶.

Но англосаксы, увы, не могут жить спокойно и чувствовать себя в безопасности, если поблизости есть кто-то, кто не вертит униженно хвостом и не заглядывает в рот, а даёт понять, что «видали мы лилипутов и покрупнее». Вот и не утерпели. Сначала «Фултонская речь» Черчилля, потом «железный занавес», «холодная» и масса локальных «горячих» войн. В итоге доигрались до «башен-близнецов» и всего прочего, с чем вошли Соединённые Штаты в двадцать первый век.

Один весьма почтенный, уважаемый и, в общем, заслуженно авторитетный современный российский философ сообщил в одной из своих книг, что уровень американских футурологов, экспертов и «конструкторов будущего» столь недостижимо высок по сравнению с нашим, они владеют такими методиками и технологиями «управления реальностью», что при общении с ними даже он чувствовал себя как семиклассник физматшколы на семинаре аспирантов хотя бы Ландау или Колмогорова. То есть понимал суть их рассуждений через пятое на десятое и с предельным, до головной боли и дрожания в конечностях, напряжением интеллекта. И нам, конечно, заявил означенный философ, ближайшие десятилетия нечего и пытаться соперничать с США на этом поле. Типа – «у них ноутбуки, айфоны и айподы, а мы всё на счётах щёлкаем и до сих пор телефоном системы «Белл-Эриксон» пользуемся...».

Фёст, услышав это, сильно удивился. И даже позволил себе не слишком вежливо рассмеяться тому в лицо. У него как раз насчёт умственных и профессиональных качеств американских специалистов сложилось совершенно противоположное мнение. То есть создавать собственный имидж с использованием методик НЛП у них получалось совсем неплохо, только вот реальные результаты при вдумчивом рассмотрении не впечатляли.

Включенная в режиме «одностороннего окна» установка СПВ сейчас открылась в так называемый «ситуационный кабинет» президента США, где господин Ойяма совещался со своими *приблизёнными*. Точнее, происходящее больше напоминало описанную Гашеком «Торжественную порку»³⁷, где экзекуции подвергался как раз хозяин.

³⁴ На Ялтинской (Крымской) конференции трёх держав в феврале 1945 г. Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем были намечены основы послевоенного устройства мира. СССР при выполнении выдвинутых им условий согласился вступить в войну с Японией через 2–3 мес. после окончания войны в Европе.

³⁵ Трумэн, Гарри (1884–1972) – 33-й президент США (1945–1953) от Демократ. партии, отдал приказ о бомбёжке Хиросимы и Нагасаки, инициатор создания НАТО, вдохновитель войны в Корее.

³⁶ Только в Аргентине в 1950 г. (при президенте Х. Д. Пероне) жили не хуже, а чем-то и лучше, чем в США, благодаря режиму *хустисиализма*. См. на эту тему: Ю. Слепухин. У черты заката.

³⁷ См. роман Я.Гашека «Приключения бравого солдата Швейка».

Большинство присутствующих он с чистой совестью мог считать своими непримиримыми и бескомпромиссными врагами, хотя для общественного мнения в администрации президента и вокруг царил *истинно командный дух* и полное единство взглядов.

Директриса АНБ бросила (именно!) на стол перед Ойямой несколько сколотых вместе листов формата А-4 с набранным 16-м размером шрифта текстом.

– Это – что? – спросил тот, глядя на «меморандум» с вполне мотивированной опаской.

– Это выдержки из последних статей о реальной боеспособности российских вооружённых сил и моральном уровне офицерского и генеральского состава самого авторитетного сейчас в России военного эксперта, некоего Грюнфельдбауэра, обозревателя «Актуальной газеты».

– Самого? – не поверил президент. – Я думал, самые авторитетные у них в Генштабе или ГРУ работают...

– Его источники как раз там и служат, так что достоверность материалов стопроцентная. Но сами они, как вы понимаете, открыто высказываться не могут, а статьи этого журналиста благодаря его отважной оппозиционности и великолепному стилю еженедельно читает весь российский креативный класс. После этого через социальные сети точка зрения обозревателя становится известна большей части хоть как-то интересующегося внешней политикой населения России. И это приносит нужные нам результаты. Мы платим этому господину сорок тысяч необлагаемых налогами долларов ежемесячно, и он того стоит. Для вас мы подобрали только фактаж, без публицистики. Ознакомьтесь, пожалуйста.

– Пойдите, – вдруг вспомнил Ойяма некогда тщательно прочитанные им подборки материалов по недавней, крайне неприятной и даже унижительной для Запада «пятидневной колониальной войне», когда русские впервые за двадцать лет показали, что могут решать геополитические проблемы без оглядки на мировое сообщество, и – довольно успешно. – Это ведь он, кажется, за неделю до начала русско-грузинской войны предсказывал, что вооружённая и обученная нами армия «Джорджии» легко разгромит деморализованную и почти безоружную российскую, вернёт себе оккупированные территории и станет региональной сверхдержавой? Крайне ценный был прогноз. Обошёлся нам в десять миллиардов долларов плюс «потерю лица». Вы с него тогда не удержали гонорар хотя бы за несколько месяцев?

– Я тогда ещё не работала здесь, – поджав губы, ответила мисс Прайс, не понимавшая даже английского юмора, не говоря о более тонких разновидностях этого определяющего разумность высших млекопитающих *жанра*. Многие собаки, не говоря о шимпанзе, юмор, пусть и своеобразно, но воспринимают и даже сами умеют вроде как шутить. – А наш обозреватель был, между прочим, совершенно прав. И комитет начальников штабов³⁸ это признал... Вмешался *человеческий фактор*. Если бы грузины действовали в точном соответствии с планом, *озвученным* г-ном Г., успех был бы гарантирован...

– Интересно, отчего комитет начальников штабов не пригласил этого господина к себе на службу или не назначил его главкомом грузинской армии? – язвительно спросил Ойяма.

– Никто не предполагал, что грузины начнут разбегаться при первых выстрелах. А мы их вооружали и готовили десять лет. У них лейтенант получал жалованье больше профессора Тбилисского университета, а все офицеры старше майора прошли обучение или стажировку в Вест-Пойнте³⁹, снаряжение им тоже было выдано наилучшего качества. При таких условиях они просто обязаны были победить.

– Очень жаль, что в Вест-Пойнте не умеют оценивать моральные качества и боевую стойкость своих курсантов, – насмешливо сказал президент. – Я где-то слышал, что за деньги легко

---

³⁸ Комитет начальников штабов родов войск (ВВС, ВМФ, сухопутных сил) – в США высший орган чисто военного руководства, малоудачный аналог Генштабов других европейских армий.

³⁹ *Вест-Пойнт* – старейшая и самая престижная военная академия США, в ней проходят подготовку, наряду с американцами, офицеры многих «дружественных» США армий.

заставить убивать, но очень трудно убедить умирать. – А сам подумал: «Хорошо, что эта война случилась до моего избрания, не пришлось объясняться перед Конгрессом и краснеть на брифингах...»

Причём объясняться не за то, что эту войну организовали и спровоцировали, а за то, что не сумели довести её до победного конца, в решительный момент практически спрятавшись в кусты.

А вот сейчас его подталкивают к гораздо худшему.

Вчера Ойяме уже было сказано одним из тех, кто обеспечил его избрание, прямым текстом, даже не лично, а по телефону, что само по себе оскорбительно: «Этому наглецу (то есть русскому президенту) нужно ответить немедленно и так, чтобы ни у кого больше не возникло желания даже подумать о возможности такого тона в разговоре с Соединёнными Штатами». И сказал это человек, для которого США не более чем место временного пребывания, до тех пор, пока у него и его партнёров в руках печатный станок Федеральной резервной системы. Не у государства, не у правительства, а у них. Этот господин принадлежал к *структуре*, которая последние пятьсот лет последовательно управляла финансами нескольких некогда великих, но потом переставших ими быть держав. Начиная с только что завершившей *реконкисту*⁴⁰ Испании.

До сих пор такое положение дел Мишеля Ойяму устраивало, вернее – он просто не представлял, что может быть как-то иначе: подчинение президента и Конгресса силам, никаким образом не предусмотренным Конституцией (хотя на долларовой бумажке изображены масонские знаки), считалось само собой разумеющимся, а теперь это его вдруг задело, и сильно.

Может быть, сам того не понимая, Ойяма сравнил своё положение с положением русского президента, едва-едва не свергнутого своим ближним окружением. Тем не менее понявшего «откуда ветер дует» и решившегося первым делом, как только разделался с заговорщиками, бросить переходящий границы разумного вызов не то чтобы даже сильнейшей военной и экономической державе мира, а самому мироустройству как таковому. Ибо не признавать лидерства Америки – ещё большая ересь, чем мусульманину публично заявить о том, что «Есть Бог кроме Аллаха, и не только Магомет пророк его».

Госсекретарь, мисс Блэкентон, которой полагалось только советовать, а не требовать что-то от шефа, собрала тонкие губы в подобие куриной гузки и стала вдруг похожа на злую старуху с лавочки у подъезда в малопrestижном спальном районе Москвы. Но здесь, к сожалению, некому было провести такую параллель. Старушки у подъездов отсутствуют в Штатах как класс, что входит в некоторое противоречие с распространённым предрассудком о невероятном коллективизме американцев в противовес российскому угрюмому индивидуализму.

– Грузины поверили людям из предыдущей администрации. Им твёрдо обещали, что русские не вмешаются в операцию по освобождению «оккупированных территорий», а мы окажем им всю необходимую помощь, включая неограниченную военную. Они имели перед собой пример Сербии и искренне верили, что мы точно так же, спасая их от геноцида, станем бомбить Москву, как в своё время Белград. А когда наступил «момент истины» – их обманули. Мы больше не имеем права таким образом подставлять наших друзей... За свои слова надо отвечать. Если наши деды брались за рукоятку револьвера, они не позволяли врагу поверить, что это дешёвый блеф...

Президент подумал, что мисс Блэкентон – отвратительная мегера, хотя ей нет ещё и пятидесяти, и по доброй воле он не стал бы разговаривать с ней даже о погоде, но увы – это дру-

---

⁴⁰ *Реконкиста* – отвоевание испанцами захваченной маврами территории Пиренейского полуострова (VIII–XV век н.э.). Началась в 718 г. битвой при Ковандоге, завершилась взятием Гранады в 1492 г. И таких людей Америка пытается «учить жить».

гие «хозяева Белого дома» могли сами набирать себе команды и стучать кулаком по трибуне в Конгрессе, требуя принятия нужных для них и Америки решений. Как Рузвельт, Трумэн или Эйзенхауэр. Он – не может. Эпоха диктаторов у власти прошла навсегда, сейчас эпоха политкорректности, мультикультурализма и «коллективного руководства».

Взгляд президента упал на портрет одного из его предшественников, в ряду других украшавший противоположную стену зала. Да вот хотя бы – Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид, «Айк», 34-й по счёту. Победитель во Второй мировой войне, полновзвездный генерал, награждённый, кстати, наряду с самим Сталиным советским орденом «Победа», варварски пышным и безумно дорогим, осыпанным настоящими бриллиантами.

Да, вот это – президент, имевший и волю, и характер плевать на любые рекомендации, хотя бы они исходили от людей, имевших столько денег, что хватило бы купить не только послевоенную Европу посредством «плана Маршалла», но и сами Соединённые Штаты тоже. Это ведь ДДЭ публично заявил, что главную опасность для Америки представляет её набравший непомерную силу и власть «военно-промышленный комплекс».

А он – всего лишь Мишель Ойяма, метис с кровью, похожей на тщательно взбитый коктейль – президент всех наций, народностей, групп и группок каких угодно меньшинств, включая активных лесбиянок и пассивных некрофилов, но не «американского народа».

Для того и выбран и «избран», чтобы окончательно дать понять всем, что ни о какой «воле большинства» отныне не может быть и речи. Зачем лицемерить перед самим собой, его избрание – это прежде всего плевок в лицо этим самым WASPам. Сильный, самодостаточный, уверенный в себе, имеющий собственное мнение, «винчестер» и «кольт», белый протестант, потомок первопроходцев, здесь и сейчас никому не нужен. Он почти такой же враг «новой Америки» и «новых американцев», как и русский. А сам Ойяма должен сделать героем и символом нации «одноногого, слепого негра-мусульманина, вдобавок – гомосексуалиста». И в то же время, руководя народом, составленным из таких вот «граждан», – обеспечивать и впредь глобальное доминирование США... Или – уже не США?

Мишель с горькой усмешкой подумал, что от него требуют достойно ответить лидеру страны, с которой не справился ни Наполеон, ни руководимые Англией «двунадесять языков», ни Гитлер. (Ойяма, как раз в силу своего происхождения, учился очень хорошо, старательно, не то что какой-нибудь Буш или Рейган, которым происхождение и социальный статус позволяли не знать не только где на карте находится Иран, а где Пакистан, но и не уметь перечислить по алфавиту названия всех американских штатов.) Всемирную историю он знал в достаточном объёме для вменяемого и окончившего два рассчитанных на подготовку «серьёзных специалистов» факультета человека.

И в то же время у него недостаёт власти, чтобы просто попросить выйти вон и никогда больше не возвращаться полусумасшедшую лесбиянку (лесбиянок Ойяма ненавидел куда сильнее, чем педерастов, но никогда этого не демонстрировал), вместе с тремя остальными «политмисс»! Хозяин пиццерии может уволить плохого повара, владелец корпорации – не справляющегося со своими обязанностями финансового директора, а он?

Эта уродливая баба – «госсекретарь»! Почему? Потому что её бывший свекор был три срока подряд постоянным председателем сенатского комитета по иностранным делам? Или потому, что она со школьных времён занимала руководящие посты в отделениях и комитетах «Дочерей американской революции»?⁴¹ Или просто некогда приглянулась «менеджеру по персоналу» тайного «мирового правительства»? Кому-то, имеющему право определять «единственно верный курс» всего мирового сообщества?

⁴¹ Основанная в 1890 г. женская общественная организация, цель которой – «сохранять идеалы американизма» и «распространять институты американской свободы». Отличается крайним консерватизмом, реакционностью и ксенофобией.

Что-то слишком много посторонних мыслей лезет в голову в то время, когда нужно принимать «судьбоносные решения», наверняка кем-то уже принятые за партией в гольф или между переменной блюд кошерного субботнего ужина.

Но эти господа кое-чего не учли – потомком древнего самурайского рода, восходящего непосредственно к богине Аматерасу-Оомиками, нельзя помыкать, как выходцем из трущоб Гарлема, пусть и закончившим Гарвард. Вот подсказывающая от нетерпения сказать очередную прописную глупость директор АНБ мисс Прайс как раз такая – злобенькая, истерзанная комплексами всех видов, от сексуальных до расовых, «чёрная пантера», пусть и в совершенстве выучившая русский язык.

На четверть японец (по крови на четверть и на три четверти по духу), Ойяма умел на многие вещи реагировать не так, как от него ожидали те, кто воспринимал его, исходя из внешности и несущественных деталей биографии.

– Ну и ради чего мы собрались? – вдруг сказал президент, не притрагиваясь к «меморандуму», словно мгновенно забыл все слова, что были ему сказаны самыми разными людьми вчера, позавчера и сегодня тоже, во время этого совещания. Он любил поигрывать в покер. Не то чтобы профессионально, но гораздо лучше, чем в гольф. Гольф его бесил именно тем, что шарик по зелёному полю гоняли джентльмены, считающие, что тот, кто не умеет правильно выбрать клюшку и забросить ловким ударом мячик на двести ярдов, недостойн говорить о большой политике.

Покер – куда увлекательнее и демократичнее. Истинно американская игра. Вот сейчас Ойяма сбрасывает от пяти карт три и прикупает. И что получает в итоге? Каре с джокером или никчёмную «тройку плюс двойку»? Думайте, господа, и говорите своё слово.

– То есть как? – вскинула голову Прайс. Высветленные до желтизны и искусственно выпрямленные волосы дико смотрелись на её лице негритянки. Точнее, мулатки, но темноватой. С чертами лица, далёкими от классических канонов даже и кроманьонцев. «Больше всего похожа на австралопитека из музея, – подумал Ойяма и чуть не рассмеялся. – Вот интересно, за что она так ненавидит Россию? Никаких ведь действительно разумных оснований. Там, кажется, всегда выступали за права чёрных. По крайней мере, в качестве рабов на плантациях никогда не держали. У меня, пожалуй, в память о прадедушке и судьбе Квантунской армии больше оснований их не любить. Вот Курилы с Сахалином категорически отдавать не согласны. На что уж Ельцин с Шеварднадзе и Козыревым вели себя как подгулявшие ковбои в борделе, тратящие последнюю десятку, а тут упёрлись намертво...»

– Вот именно так, мисс Прайс, – приходя в боевое расположение духа, ответил президент. – Мне надоели всякие околичности. Слишком многое стоит на кону. Не меньше, чем в октябре шестьдесят второго⁴². И говорить о сути и смысле текущего момента нужно серьёзно, чтобы не осталось место неясностям и недоразумениям. Здесь все ответственные люди, журналистов поблизости нет, прослушки, надеюсь, тоже...

Он сделал паузу, будто ожидая ответа хоть от кого-нибудь. Но все его «дамы» и прочие члены «кризисного штаба» предпочли перемолчать. Наверное, сколько здесь людей, столько и подслушивающих и подсматривающих аппаратов. Каждому ведь нужно отчитываться. Что ж, тем лучше...

– Давайте говорить прямо. Вы собрались здесь с фактически уже готовым решением – России нужно объявить войну. Реальную, или до крайнего предела «холодную». До нуля по Кельвину. (Едва ли многие из присутствующих знали, что это такое.) Так? Но по Конституции

---

⁴² Так называемый Карибский кризис 1962 г. – конфронтация между СССР и США по поводу размещения на Кубе советских ракет в ответ на размещение таких же американских ракет в Турции и подготовку военного вторжения США на Остров свободы. Всерьёз стоял вопрос о начале термоядерной войны, как обычно – по инициативе американцев. В последний момент Н. Хрущёв и братья Кеннеди сумели перевести вопрос в чисто дипломатическую плоскость. СССР фактически выиграл в этом раунде «холодной войны».

я не имею такого права, это прерогатива Конгресса. Тогда что я могу для вас сделать? Мой разговор с русским президентом вы все слышали. По-моему, всё, что возможно, мы друг другу сказали. Я не заметил со стороны моего русского коллеги особой агрессивности, он, скорее, был сдержан, но сдержанностью сильного...

– Вот это и недопустимо! – повысил голос вице-президент Дональд Келли.

Видимо, ситуация начинала выходить из-под контроля, раз подчинённым президента, хорошо воспитанным и знающим аппаратные правила, изменяет элементарная выдержка. Ещё это значит, что готового решения нет ни у кого.

«Ты сердишься, Цезарь, значит, ты не прав!» – вспомнил Ойяма римскую поговорку.

На этом и можно сыграть, не доводя дело до прямого конфликта, вполне могущего закончиться новой «далласской пулей»⁴³. С импичментом никто затеваться не станет – цейтнот.

– Я же просил, Дональд, – давайте попробуем говорить прямо. – Голос президента звучал до предела умиротворяюще. Он ведь отнюдь не спорит, он просто честно пытается разобраться в непростой ситуации. В сорок первом году всё было наоборот: никто не хотел вмешиваться в мировую войну, а Рузвельт настоял. – Хотя бы сегодня. Иначе завтра, возможно, разговаривать будет слишком поздно. Просто некому и не с кем. – Президент постарался вложить в свои слова максимум убедительности. Не останавливаясь перед тем, что его слова будут восприняты не как сила, а как слабость цепляющегося за остатки своей власти и авторитета человека.

– Недопустимо что? То, что русский говорил со мной твёрдо, но сдержанно? Вы предпочли бы истерику или что-то ещё? Давайте воспринимать противника (или всё же пока партнёра?) по возможности реально, без голливудских штампов.

– Именно: «что-то ещё». Нам нужен полноценный «казус белли». Русские от него всячески уклоняются, и, судя даже по вашему поведению, им это удаётся.

– «Даже по-моему» – это хорошо звучит, Дональд. А что я должен сделать в ответ на телефонный разговор? Разорвать дипломатические отношения, объявить абсолютное торговое эмбарго, послать войска? Или сразу – распорядиться о нанесении ракетно-ядерного удара по всем разведанным целям? Вы же мои советники и помощники, господа. Так советуйте, чёрт возьми! Я готов проявить всю возможную жёсткость. Только и вы мне помогите, мисс Прайс, положите мне на стол не вот это. – Он аккуратно отодвинул к краю стола предложенный ему документ. – Мне нужно что-то посолиднее для принятия рокового, может быть, решения. Чтобы не оставалось ни малейших сомнений в результатах нашего «демарша». Что мы реально теряем, сохраняя статус-кво, и что можем выиграть, перейдя Рубикон. Кстати – Комитет начальников штабов уже имеет проработанный в деталях план военной кампании? Настоящий план, не декларацию о намерениях, а чтобы так: «Ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»

Никто из присутствующих, похоже, не только Толстого не читал, но и в немецком языке разбирался слабо. Их лица выразили недоумение.

– Насколько я знаю, на детальную проработку военной кампании мирового масштаба требуется не один месяц. И ещё, мы ведь все деловые люди. Посчитайте и представьте в виде таблицы – сколько будет стоить каждый пункт вашего плана. В долларах и человеческих жизнях. Наших и неприятеля. Хватит с нас «Бурь в пустыне» и «Несокрушимых свобод». И ещё – чтобы следующее совещание не проводить в бункере под Скалистыми горами, – кто-нибудь гарантирует стопроцентное поражение *абсолютно всех* русских средств доставки? Я не помню, чтобы мне докладывали о полной готовности нашей системы ПРО.

Похуже, Ойяма переступил некую границу.

---

⁴³ Президент Д. Ф. Кеннеди был убит пулей снайпера в г. Даллас в ноябре 1963 г.

С серыми от ненависти губами (мисс «глава администрации» никогда их не красила, предпочитая «естественность») Кейтлин Мэйден заявила вибрирующим голосом:

– В этом нет никакой необходимости. Вместо этого «плана» я вам подготовлю справку о массовых нарушениях прав человека, бессудных расправах и казнях, происходящих сейчас в Москве и по всей России. Узурпатор, пользуясь случаем, под корень уничтожает всё, что является или может стать оппозицией. Людей, которых мы растили и готовили почти два десятилетия...

– Хорошо, представьте, – кивнул Ойяма.

– И вы немедленно должны сделать заявление о том, что США не в силах терпеть эту кровавую вакханалию. Либо немедленная отставка «президента», которого, возможно, вообще не существует, либо мы начинаем «гуманитарную интервенцию».

– Вы начинаете? – невинно спросил Ойяма. – Сколько дивизий *моя* администрация намерена выставить в «первой волне» ударной группировки, сколько во второй и так далее? С каких позиций и какими силами будут нанесены высокоточные и, если потребуется, ракетно-ядерные удары? Сколько времени и транспорта потребуется для переброски «оккупационной армии»? Куда и как будем эвакуировать население городов, входящих в списки русских ответных ударов?

Понимая, что пилюлю следует хоть сколько-нибудь подсластить, добавил:

– Я президент и верховный главнокомандующий. Не могу же я сотрясать воздух впустую. Скажите, генерал, – повернулся он к председателю Комитета начальников штабов, – может быть, хоть вы в состоянии ответить на заданные мною вопросы? Вы гарантируете, что ни одна боеголовка до капитуляции Москвы не упадёт на американскую территорию? И достаточно ли у вас мобильных войск, чтобы оккупировать все ключевые точки их территории, подавить возможные очаги сопротивления, взять под контроль атомные станции и ракетные базы? Да, я ещё забыл, – с чрезмерной, пожалуй, ядовитостью (но ведь и вправду – его уже *достали*) сказал президент, – совсем недавно *я видел по телевизору*, как русские поднимали свой Андреевский флаг на новых лодках, несущих по 16 ракет с десятью термоядерными зарядами каждая. Вы способны уничтожить их все и сразу? Вы знаете места их лёжек с точностью до ярда?

Генерал Паттерсон встал, чувствуя себя крайне глупо. На вопросы президента ответить было просто нечего. В том формате, как они были заданы. Он шёл на это совещание, будучи заранее настроен таким образом, что его тема совещания как бы и не касается. То есть речь будет идти о санкциях против России, вплоть до военных, но на самом деле это только дипломатия. То есть Ойяму обяжут (вот именно) предъявить русскому президенту ультиматум, и этот ультиматум будет составлен таким образом, что отклонить его русские не смогут, не произнеся *нужных* слов о возможном применении силы. Они, разумеется, понимают, что грозить Америке военной силой не позволено никому, как и то, что никаких реальных сил у них и не имеется. Что толку от их *ржавых ракет*, ежегодно подкрашиваемых, но не факт, что способных взлететь и долететь? За исключением нескольких *демонстрационных* образцов. Последние неудачи с испытаниями новых стратегических ракет, запусками аппаратов к Марсу и даже спутников связи прекрасно это показали. Да и устроенная по советским образцам армия Саддама Хусейна рассыпалась в пыль после нескольких *высокоточных* ударов. В Грузии русские тоже воевали по лекалам шестидесятых годов прошлого века и с той же практически техникой.

Такая штука с ультиматумами два раза в прошлом веке проделывалась с Сербией. В четырнадцатом году за сербов вступилась Россия, и началась известно чем кончившаяся для большинства инициаторов мировая война. В девяностые годы Россия за Сербию не вступилась, и Америка спокойно решила все свои проблемы на Балканах. Вернее, то, что она считала проблемами тогда. Россия не Сербия, за неё вступаться некому...

Генерал, даже с хорошо промытыми собственной пропагандой мозгами, был всё же военный человек и помнил, что русские не раз удивляли мир, опрокидывая все расчёты лучших

генштабов мира. Но – ему сказали, что именно сейчас русские воевать не будут. Потому... потому что не пойдут! Как сказал какой-то их деятель: «Верхи не могут, низы не хотят!» Очень емкое и успокаивающее объяснение. Генерал был неглупый человек, но исключительно в своей области, и, не совсем даже понимая, что совершает государственную измену, выступая против Верховного главнокомандующего (то, что президент всего лишь «наёмный менеджер» налогоплательщиков – это для штатских), согласился сыграть на той стороне стола, что напротив президента. За этими людьми сила, а за Ойямой, как ему объяснили, – ничего.

Паттерсон словно забыл, что ещё позавчера считалось, что никого нет и за русским президентом.

Но теперь Верховный главнокомандующий задал ему вопрос, и на него нужно отвечать, а то ведь что? Саботаж приказов Верховного пахнет мятежом.

– Нет, господин президент. Ничего из того, о чём вы спрашиваете, я гарантировать не могу. Детальных планов полномасштабной войны против России у нас нет. В данный момент мы располагаем известным вам количеством стратегических и иных средств доставки, а также ТРЕМЯ вполне боеспособными воздушно-десантными дивизиями, которые мы можем использовать для оккупации России *после того*, как она капитулирует. Для уничтожения её сухопутной армии в случае полноценного сопротивления этих сил недостаточно. Правда, если правы дипломаты и разведчики, если Россия сопротивления не окажет и сложит оружие, тогда первые две-три недели мы сможем контролировать ситуацию. Да, сэр, две-три недели. На союзников по НАТО в ближайший год можно не рассчитывать, боеготовых для «русской кампании» подразделений у них нет вообще. Годом позже они просто разбегутся, бросив нас наедине с русскими. Кроме того, *эти варвары* уже не раз заявляли, что применят своё термоядерное оружие, если другие возможности обороны окажутся недостаточными...

– Итак, господа? – Президент обвёл глазами присутствующих. – Вы сами всё слышали. На мой взгляд – *вопрос не подготовлен*⁴⁴. Если вы гарантируете, что Конгресс даст согласие на объявление войны России при нынешнем положении дел, я выступлю с ультиматумом. Русские – не дураки, со своим *византийским* чутьём они великолепно умеют распознавать блеф. И в этом случае – «*Vae victis!*». Если нет – я не хочу делать нашу страну объектом всеобщего осмеяния. Кстати, мисс Блэкентон, – повернулся он к госсекретарю, – вас не затруднит сообщить нам, как поведёт себя Китай в ситуации нашей с русскими конфронтации? Что, если, воспользовавшись случаем, он захватит Тайвань и попутно примется решать все другие свои геополитические проблемы? У вас подготовлена нота и, опять же, план действий и на этот случай?

На госпожу госсекретаря было тяжело (а вернее – противно) смотреть. Причём объектом её незстетичной злобы сейчас были отнюдь не русские.

– Таким образом, господа, – с непроницаемым самурайско-покерным лицом сказал президент, – я считаю, что нам всем следует ещё немного поработать. Со всем старанием. Нельзя, только что потерпев крайне неприятное поражение, подставляться снова, окончательно демонстрируя миру, что зубы у Акелы окончательно затупились... После Ирака, Афганистана и событий в Северной Африке это нам совершенно ни к чему. Прошу через три дня предложить мне более реалистичный вариант обращения к русскому президенту и рассчитать достаточно сбалансированное сочетание имеющихся в нашем распоряжении кнутов и пряников... Я буду говорить с ним по телефону, но в случае необходимости готов встретиться и лично. Все свободны.

Ответом ему было почти змеиное шипение Блэкентон:

– У вас нет этих трёх дней...

---

⁴⁴ Бюрократический оборот весьма негативного оттенка, используемый в случае, если по ходу обсуждения докладчик не в состоянии ответить на внезапно возникшие вопросы «из зала» или *возражения по существу*. Часто такая ситуация заканчивается *оргвыводами* (ещё бюрократический эвфемизм, означающий увольнение лица, не обеспечившего...).

Ойяма предпочёл не расслышать.

Во всей правящей верхушке страны у него был один человек, которому Ойяма доверял абсолютно – начальник военно-морской разведки вице-адмирал Феликс Шерман. Давным-давно они жили по соседству, учились в одном колледже и тогда же поклялись в вечной дружбе. За прошедшие тридцать пять лет ни тот, ни другой клятву не нарушили. К Феликсу он и решил обратиться немедленно. Отчего бы старым друзьям не половить «большую рыбу» с яхты президента. Говорят, в этом году очень расплодился *золотая корифена*.

Фёст сделал вид, что аплодирует президенту. Этот парень повёл себя единственно возможным способом в данной ситуации. Правда, ещё неизвестно, чем это может для него кончиться. Пуля не пуля, а капелька чего-нибудь интересного в чашку зелёного чая – вот вам и обширный инфаркт с абсолютным летальным исходом. А вице-президент – *свой* человек в антирусской камарилье. Вроде как Трумэн после Рузвельта.

Злые и одновременно подавленные соратники президента с каменными лицами покинули кабинет, а Ойяма обессиленно опустился в кресло и дрожащими пальцами начал раскуривать длинную сигару. В рабочих помещениях Белого дома этого делать не полагалось, но ему сейчас было всё равно.

О том, кто является *единственным другом* президента, Фёст уже знал.

Глава третья

Фёст не мог не посмеяться (или – поудивляться) синтонности некоторых событий, происходящих в разных реальностях и, возможно, долженствующую обозначать некую инвариантность пресловутой, навязшей в зубах геополитики. А возможно – обычной психологии.

Проще говоря – уже третий (или – четвёртый)⁴⁵ раз представляется возможность чисто эмоционально-психологическими методами разрушить кажущуюся нерушимой и логически безусловной англо-американскую антироссийскую доминанту. Америка здесь оказывается слабым звеном, и, следовательно, её «русофобия» – не более чем дань определённой моде, «атлантической солидарности» и мощному давлению «мировой закулисы». Но если трижды при определённых обстоятельствах удавалось объяснить американским президентам их истинные интересы – значит, никакой фатальной обязательности в конфронтации двух истинно великих держав нет, и нужно только постараться в четвёртый раз.

Фёст почувствовал охвативший его *кураж* – карта пошла, вера в победу на ринге или *мировой шахматной доске* охватила всё его существо. В такие моменты актёры, например, в донельзя *заигранной* пьесе вдруг достигают каких-то немыслимых вершин, и зал овацией заставляет их двадцать раз выходить на аплодисменты.

Он поймал *нерв* Ойямы, теперь нужно на нём *сыграть*. К его же, между прочим, благу. Наступил такой редкий момент, когда, как пел Высоцкий, противник с полными руками козырей «*зашёл он в пику, а не в черву*»⁴⁶.

Так что, мистер Мишель Патрик Кэндзабуро (третье имя в официальных документах не употреблялось) Ойяма, приготовьтесь. Скоро будет интересно.

Поднявшись в свой рабочий кабинет, Ойяма расслабленно опустился в кресло наискось от приоткрытого окна, за которым на фоне густо-синего неба пылали багрянцем канадские клёны. Настоящее «индейское лето».

Президент чувствовал себя вымотанным и измочаленным, хотя по его виду сказать этого было нельзя. Разговор со своим русским коллегой дался бы ему гораздо легче. По той простой причине, что можно было бы оставаться самим собой и говорить то, что думаешь и что принесло бы реальную пользу обеим странам. Он на самом деле считал, что России лучше бы согласиться на роль младшего партнёра США со всеми вытекающими последствиями. Тогда Америка могла бы больше не принимать на себя все «непопулярные» решения, предоставив роль «надсмотрщика на плантации» этой громадной, бестолковой, но умеющей, когда надо, быть сильной и беспощадно решительной стране. И, самое главное, русские умеют находить общий язык с жителями «недоразвитых стран». И, пойдя на альянс с Америкой, Россия, наконец, получила бы *правильную* демократию, *правильные* государственные институты и *правильное* понимание законности.

Тогда бы можно было полностью отстранить от мировых проблем все остальные государства, да заодно и ЕС. Пусть копаются каждый на своём огороде.

Сейчас же он фактически сыграл в покер против своей страны, если, конечно, считать, как было сказано почти сто лет назад одним из тогдашних *реальных* хозяев США: «Что хорошо для «Дженерал моторс», то хорошо и для Америки». Но там хоть всё было названо своими

---

⁴⁵ Автор имеет в виду события войны Севера против Юга 1861–1865 гг., когда Россия выступила на стороне Севера, пригрозив Англии крейсерской войной в Атлантическом и Тихом океанах, тайная «личная уния» Сталина и Рузвельта против Черчилля во время ВМВ, а также договор (тоже пока личный) между президентом США и Императором Олегом. (См. роман «Мальтийский крест».)

⁴⁶ Как *правильно* у Высоцкого, автор знает.

именами, а кому должно стать «хорошо» в случае нынешнего русско-американского кризиса? (Он предпочитал употреблять слово «кризис», поскольку даже сейчас в возможность «горячей» войны не хотел верить. На «вторую холодную», пожалуй, придётся согласиться.) От переворота в Чили 1973 г. лучше всех стало «АТ&Т»⁴⁷, от свержения правительства социал-демократа Хакобо Арбенса в Гватемале в 1954 г. выгадала «Юнайтед фрут»... и так далее. США как таковые ни в одном случае своих «гуманитарных интервенций» не выигрывали ничего, кроме лишней головной боли и чувства гордости за то, что высоко несут знамя «доктрины Монро»⁴⁸. Деньги в любом случае шли не на благо «налогоплательщиков», а в сейфы всё той же «закулисы», где впоследствии бесследно растворялись. Зато всё умножался и умножался накал ненависти к самому имени «американец» во всём мире. Уже «демократизированном» и ещё нет.

Но вопрос ведь стоял именно так – либо он, президент, *работает во благо своей страны*, понимая это благо широко, в очень и очень долговременной перспективе, считая себя *политиком*, а не *политиканом*. Либо, подчинившись давлению (или – шантажу), – *против неё*, но это с точки зрения тех, кто, по сути, не имея отношения ни к самой Америке, ни к её *настоящим* жителям, ни к «американской мечте», как её понимали ещё отцы-основатели, ухитрились, прикрываясь самой разнузданной демагогией, навязать этой стране безусловно гибельный для неё курс. Упиваясь тем, что сегодня в их руках самый мощный и универсальный инструмент для достижения мирового господства – сочетание действительно сильнейшей на сегодняшний день военно-экономической державы и возможность в любых количествах печатать безусловно обязательные к приёму в любой точке Земного шара деньги, ничем по сути своей не обеспеченные⁴⁹.

А вот что должно впоследствии в результате «окончательной победы» транснационального правительства в мировом масштабе – вопрос не менее интересный, чем аналогичный столетней почти давности. А что будет, когда наконец победит «мировая революция»?

Ойяма осмысливал происшедшее не столь отчётливо и однозначно, как реконструировал его мысли Фёст. Это и неудивительно, слишком разные у них были менталитеты, жизненный опыт и вообще стиль и способ отношения к *историческому процессу*. Но в основном их мыслеформы совпадали – и рафинированный европеец, и близкий к природе пигмей из лесов Итури в определённых ситуациях приходят к совершенно одинаковым выводам и даже начинают одинаково действовать, при полном несходстве используемых ими логик.

На краю стола тихо пискнул и мигнул светодиодом на крышке специальный, штучный, на японском заводе собранный ноутбук, «лэптоп» по-американски, подаренный президенту в конфиденциальном порядке одним из нынешних глав клана «настоящих» Ойяма. Если бы об этом подарке узнали недоброжелатели, мог бы разразиться нешуточный скандал, и не только потому, что его цена значительно превышала установленный законом лимит.

⁴⁷ «АТ&Т» американская корпорация («Америкен телефон энд телеграф»), финансировавшая свержение режима Альенде в Чили, «Юнайтед фрут» – компания, в 50-е годы XX века фактически контролировавшая производство и экспорт тропических фруктов, прежде всего бананов, по всей Центральной и Южной Америке.

⁴⁸ «Доктрина Монро» – декларация, названная по имени тогдашнего президента, провозгласившая в 1823 г. Западное полушарие зоной исключительных интересов САСШ и потребовавшая невмешательства в дела бывших испанских колоний европейских держав. Интересно отметить, что эта же «доктрина» одновременно гарантировала невмешательство США в какие бы то ни было европейские дела и конфликты. Что мы и наблюдаем...

⁴⁹ На эту тему есть интересное свидетельство К. Паустовского. В 1921 г. в освобождённом от турецкой оккупации и власти «грузинских меньшевиков» (как тогда называлось недолгое правление Н. Жордания и компании) Батуме не было советских и каких-либо денег, кроме султанских турецких лир. И вот эти деньги несуществующего уже государства использовались местными жителями в качестве официального средства платежа. Причём фальшивых лир ходило столько, что население молчаливо согласилось не делать между ними и «настоящими» никакой разницы. С долларами примерно та же ситуация, поскольку «фальшивыми» можно считать 90% из напечатанных после 1973 г.

Президент с некоторым удивлением подвинул к себе обтянутый акульей кожей аппарат, отщёлкнул защищённый кодом замок. Мало кто имел этот электронный адрес, и именно сейчас президент никаких посланий не ждал.

Ойяма открыл почтовый ящик и, ещё больше недоумевая, прочитал короткий текст, написанный иероглифами. С соблюдением всех правил вежливости и церемониала, которые понятны только высокообразованному и не менее хорошо воспитанному аристократу. Причём иероглифы были не отпечатаны (таких и клавиатур не бывает), а с большим каллиграфическим искусством написаны от руки, а потом отсканированы, видимо. В достаточно редуцированном⁵⁰ при обратном переводе иероглифов в буквы текст гласил:

«Глубокоуважаемый господин Президент, приношу самые почтительные извинения за несанкционированный доступ. Исключительно сила обстоятельства и, возможно, воля Неба побудили меня к злоупотреблению вашим Высоким вниманием. Выражаю своё глубокое восхищение вашей твёрдостью и выдержкой, проявленными во время только что закончившегося совещания. Вы вели себя, как и подобает истинному самураю, постигшему «Бусидо». Однако своим поведением Вы вызвали гнев персон, с которыми в своём настоящем качестве бороться не в состоянии. Более того, вы поставили свою жизнь в положение непосредственной опасности. Поэтому примите почтительнейший совет – немедленно, никого не ставя в известность, вылетайте в Кэмп-Дэвид или другое не менее защищённое от проникновения посторонних место. До отъезда постарайтесь ничего не есть и не пить в своём Доме. Мы, в свою очередь, обещаем обеспечить вам на пути следования максимальную безопасность. Данное письмо может служить подтверждением наших возможностей и самых добрых намерений. Более подробную информацию и разъяснение многих сейчас непонятных вам моментов вы получите не позднее сегодняшнего вечера. Со всем возможным почтением – Друг».

Иероглиф подписи был старинный, малоупотребимый, его можно было прочитать и как «соратник, товарищ по оружию», и ещё несколькими подобными способами, весьма зависящими от контекста, а также и от обстоятельств его употребления.

Сам Фёст, конечно, японского не знал, но Учитель привил к нему интерес и понимание того, что язык этот можно использовать в самых неожиданных обстоятельствах и с самыми разными целями. А безусловным, не имеющим себе равных среди признаннейших знатоков «японистом» был всё тот же агтрианский Шар, вернее, одна из заложенных в него программ. Ляхову нужно было только набросать приблизительный текст записки и ввести некоторые параметры, остальное было сделано и *аранжировано* за него.

В качестве подтверждения, что записка – не попытка дешёвого розыгрыша, вслед за ней были помещены несколько фотографий с только что закончившейся «тайной вечера» с указанием, до секунд, времени съёмки.

Ойяма несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул воздух сквозь сжатые зубы. Сомневаться в том, что снимки подлинные, не было никаких оснований, он сам присутствовал и в кабинете, и теперь – на великолепного качества изображениях. За прошедшие двадцать две минуты написать письмо, загрузить и передать его вместе с *подтверждающими иллюстрациями* едва ли кто-нибудь из присутствующих успел бы. А больше на совещании никого и не было. Вот здесь запечатлены все сразу, так что, кто фотографировал – само по себе вопрос. Специальные сканеры перед началом совещания подтвердили отсутствие любого рода приборов, не предусмотренных протоколом и инструкциями по безопасности.

Впрочем, насчёт этого президент не испытывал особенного оптимизма. Всё зависит от того, кто непосредственно занимается безопасностью. Что он скажет, то и будет принято к сведению. И деваться тут некуда. Не средневековая Япония вокруг и даже не патриархальная

⁵⁰ Редуцировать – изменять в сторону упрощения, ослабления (*лат.*).

Сицилия, нельзя в этой Америке дать голову на отсечение, что любой этажности пирамида перекрёстной слежки за теми, кому вверил свою жизнь, гарантирует от предательства.

Ну, допустим, камеры слежения в кабинете имелись и зафиксировали видео– и аудиоряд совещания. За те самые двадцать минут некто изготовил записку, должным образом её оформил (а здесь, Ойяма понимал, требовалась рука каллиграфа очень высокого класса, одновременно владеющего и тонкостями стилистики японского, и современным американским языком) и вместе с фотографиями скинул на его почтовый ящик. А вот это ещё одна сложность (он пока рассуждал только о технической стороне вопроса) – пароль для связи был известен крайне узкому кругу лиц, и ни один государственный служащий в него не входил.

Неужели «врагам» (президент пока мысленно взял это слово в кавычки) удалось купить кого-то из тех, в ком он был уверен, как в самом себе. Купить или выманить шантажом. Задача сложная, крайне дорогостоящая, и в любом случае – практически бессмысленная. Очень сильно рисковать, и ради чего? Чтобы однажды послать ему такую вот записочку? Именно однажды, потому что любому понятно – пароль он сменит сразу же, независимо от содержания текста.

Тем более существует масса способов донести до адресата любую информацию, не прилагая вообще никаких трудов. Как до Кеннеди – путём платного объявления в газете⁵¹.

Может быть, таким образом некто собирался посеять сомнение в верности самых, как он считал, близких людей? Глупо. Это только в плохих мелодрамах и в высокой классике вроде «Отелло» герой предпринимает судьбоносные действия на основании недостоверного слуха или намёка. В реале генерал, да ещё восточного (мавританского) происхождения, сначала как следует порасспрашивал бы господина Яго, служанок и всех более-менее к ситуации причастных. А уже потом сделал вытекающие из результатов расследования выводы, грозившие смертью скорее интригану, чем законной супруге. В уставе кайзеровской германской армии командирам прямо предписывалось даже в самых очевидных случаях меру наказания за дисциплинарный проступок назначать лишь на следующий день. Во избежание воздействия эмоций на здравый смысл.

И самое главное – его ведь неизвестный «друг» прямо предостерегает о возможности неких противоправных действий именно тех лиц, которые единственно могли бы осуществить такую, с позволения сказать, *интригу*.

Итак, что мы имеем?

Ойяма сам не заметил, когда закурил вторую сигару и неприличными для настоящего *знатока и ценителя* сжёг её быстрыми затяжками (О, ужас!) почти до половины.

Если все вероятные гипотезы оказываются несостоятельными, следует обратиться к невероятным. Тогда, возможно, кое-что прояснится.

Президент снял трубку внутреннего телефона и попросил зайти к себе начальника собственной службы безопасности, commodora⁵² Брэкетта. Этому человеку он до сегодняшнего дня доверял, и, что самое главное, офицер не подчинялся ни одному из людей, только что покинувших Белый дом. Он был рекомендован Ойяме лично адмиралом Шерманом и назначен в обход обычных административных каналов. На этом настоял военно-морской разведчик, чем обеспечил своему протеже многолетнюю роль чужака и изгоя для присосавшегося к Белому дому клана.

– День добрый, Гедеон, – сказал президент, вставая навстречу офицеру, который умел носить штатский костюм так, что он не смотрелся на нём мундиром без погон. Со вкусом,

---

⁵¹ Накануне визита Д. Кеннеди в далласской газете «Морнинг ньюс» была опубликована его фотография в траурной рамке с подписью: «Добро пожаловать в Даллас, мистер Кеннеди». 22.11.63 при проезде по городу 35-й президент США был застрелен.

⁵² В американском флоте commodor аналогичен российскому каперангу, в английском – промежуточный между каперангом и контр-адмиралом чин.

небрежно, но одновременно по-своему строго. Так мог бы выглядеть очень хорошо воспитанный представитель богемы из книг Оскара Уайльда, хотя бы и сам лорд Генри⁵³.

Ойяме было эстетически приятнее регулярно общаться с таким сотрудником, нежели с представителем банальных «Дублѐных загришков»⁵⁴.

– Присаживайтесь, пожалуйста. Кофе, сигару, что-нибудь ещё?

– Спасибо, сэр. Чашечку кофе я выпью. Он у вас гораздо лучше, чем варит моя машина.

– Возможно, ваша машина просто плохо запрограммирована? Я где-то слышал анекдот, правда, не совсем политкорректный, и касался он не кофе, а чая. Там перед смертью главный герой говорит: «Евреи, не жалеите заварки».

Коммодор вежливо растянул губы. Смысла он, конечно, не понял, так не за наличие чувства юмора его держат на этом посту. Тем более, судя по имени, он из каких-нибудь пуритан или мормонов, а у них смеяться вообще грешно. Христос ведь никогда не смеялся.

– Скажите, Гедеон, – спросил президент, нажимая кнопку кофеварки, – вы сегодня ни от кого не получали никаких распоряжений относительно дальнейшего распорядка дня?

– Никак нет, сэр. Мои люди убедились, что все участники совещания покинули территорию, проверили, не забыл ли кто-нибудь что-то в помещениях. После этого все вернулись к обычному режиму. В журнале запланированных мероприятий других записей нет. От вас или ваших секретарей устных распоряжений также не поступало.

– Да, я помню – я вам даже говорил, что сегодня больше никуда не собираюсь и визитѐров не жду. Но, может быть...

– Никак нет, сэр, не хочу повторяться. Леди Берилл сейчас находится в гостях у своей подруги, вы это знаете, с ней двое бодигардов. Когда она соберѐтся домой, то позвонит, за ней будет направлена машина.

Сейчас Брэкетт не производил впечатления эстета, ведущего исключительно *рассеянный образ жизни*. Отвечал он чѐтко и с должной степенью металла в голосе, причѐм *металл* этот, в отличие от разговора с подчинѐнным, должен был только подчеркнуть *шефу*, что коммодор на службе и вполне понимает ответственность стоящих перед ним задач.

– В таком случае – ещё один вопрос. Вы готовы выполнять мои... распоряжения (он хотел сказать – «приказы», но в последний момент воздержался) без оглядки на... чьи-либо другие?

– Не совсем понял вас, сэр. Вы – Верховный главнокомандующий, и, естественно... Разумеется, есть ещё должностные инструкции, которые я обязан выполнять, несмотря на несогласие охраняемого лица...

– До определённого предела, Гедеон. Не забывайте. Есть моменты, когда любые инструкции утрачивают силу. И эти моменты определяю я. Если я поставлю вас по стойке смирно и отдам вам приказ именно как Верховный главнокомандующий, вы его исполните?

– Так точно, сэр!

– Без оглядки на чьи-либо ещё распоряжения и даже собственные... интересы?

Видно было, что Брэкетт все меньше и меньше понимает суть и смысл происходящего.

– Как вы могли подумать, сэр?

– Я должен думать всегда и учитывать самые... неприятные варианты. Вот сейчас такой момент наступил. Вы, никого больше не ставя в известность, приказываете подготовить два вертолѐта. Один для меня и вас, второй для охраны. Возьмите человек шесть – восемь. Можно больше, если поместятся. Сразу по готовности мы вылетаем в Кэмп-Дэвид⁵⁵.

---

⁵³ См. роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея».

⁵⁴ *Leatherneck* – жаргонное наименование американских морских пехотинцев, в широком смысле – вообще «военщины». В нашей литературе обычно переводится как «кожаные затылки», что довольно бессмысленно. Впрочем, тут виновата и бедность синонимами английского языка.

⁵⁵ *Кэмп-Дэвид* – официальная загородная резиденция президента США. Расположен в 100 км от Вашингтона, в штате Мэриленд. Построен при Ф. Рузвельте, первоначально назывался «Шангри ла». Нынешнее название получил в честь внука

– Что-то случилось, сэр? – В голосе полковника прозвучали тревога пополам с любопытством. Странная какая-то коллизия обрисовывалась, хотя само по себе желание президента посетить свою резиденцию не являлось событием экстраординарным. Если, допустим, ему хочется поработать с документами, просто поразмышлять о мировых проблемах под сенью клёнов и сосен, «вдали от шума городского». Так оно сейчас, в сущности, и было, только с известным нюансом.

– Абсолютно ничего, за исключением того, что трещины на панцире черепахи⁵⁶ посоветовали мне сегодня «уединиться в прочном месте» и «не допускать к себе никого, кроме оруженосца». Мы с вами, Гедеон, конечно, современные люди, но Учитель⁵⁷ говорил: «Не упускай возможности соблюсти Ритуал. Без крайней нужды не иди против течения». Поэтому мы, не сообщая об этом никому, летим сейчас в Кэмп-Дэвид. Надеюсь, получаса вам хватит? А я пока соберу нужные мне бумаги.

Перелёт занял не более получаса, и когда вертолёт приземлился на посадочной площадке внутри охраняемого периметра, Ойяма ощутил странное спокойствие. Будто действительно совершил опасный переход через горы, кишасшие разбойниками, и добрался, наконец, до ворот замка местного сеньора, охраняемого сильной дружиной.

И вдруг почувствовал, что гораздо лучше понимает своего русского коллегу. Совсем недавно тот был не более чем малолегитимным (поскольку не желал слепо следовать в американском фарватере) правителем погрязшей в заблуждениях позапрошлого века авторитарной державы и неожиданно показался едва ли не «товарищем по несчастью». Человеком, выполняющим трудную, неблагодарную работу, каждую минуту ходящим по лезвию ножа, зная, что, если тебя вдруг захотят убить или просто смешать с дерьмом и грязью, не поможет никакая охрана.

А что поможет?

Русскому президенту что-то ведь помогло, и рухнул весь долго и тщательно выстраиваемый заговор. Как бы сам по себе.

Сейчас и Ойяма почувствовал дуновение ветерка от свистнувшего над головой меча. А что, если меч – тот же самый, и неким силам совершенно всё равно, кто станет его жертвой? Не вышло с одним – попробуем с другим. На загадочный «конечный результат» перемена мест слагаемых не повлияет.

У порога коттеджа он обернулся к следовавшему в двух шагах позади и справа Брэккетту.

– Спасибо, Гедеон. Пока вы мне больше не нужны. Занимайтесь своими делами. И ещё, – будто случайно вспомнилось, – поручите там кому-нибудь, пусть тщательно фиксируют, начиная с этого момента, любые телефонные переговоры, в которых упоминается моё имя, кличка, вообще, вы понимаете... Кто, когда, о чём... То же касается всемирных сетей. Как открытых, так и... любых других. – Президент не слишком хорошо разбирался в делах, имеющих отношение к компьютерам, всяким там айфонам, айпадам, вай-фаям и прочим малопонятным «гаджетам». Хуже даже, чем в автомобилях, там он, кроме того, куда вставлять ключ зажигания, как трогаться и ехать, хотя бы знал, почему в бак наливают именно бензин и каким образом осуществляется процесс преобразования вспышек в цилиндрах во вращение колёс. В затронутой же сейчас теме он мог оперировать только самыми общими выражениями, в надежде, что собеседник сам поймёт, о чём речь и что от него требуется.

– Будет исполнено, сэр.

– Кроме того, лично отдайте приказ охране – не пропускать на территорию ни одного человека, повторяю – ни одного, до тех пор, пока я не увижу его на экране камеры слежения

президента Д. Эйзенхауэра. Считается военным объектом, охраняется морской пехотой.

⁵⁶ Вид старинного китайского гадания, когда в панцирь черепахи вонзают раскалённый шип и по образовавшимся вокруг трещинам читают «волю Неба».

⁵⁷ Конфуций.

и не распоряжусь, как поступить. Никакое летательное средство не может приземлиться на площадке или рядом. Примите меры и к этому. Если над территорией появится беспилотник – сбивайте сразу. Нет зенитных средств? Так привезите. Часа вам хватит? Что так смотрите, коммодор? Считаете – у меня острый приступ паранойи? Ну и что? Я очень жалею, что ею не страдали ни Кеннеди, ни Линкольн⁵⁸. Несколько позже я постараюсь вам кое-что объяснить. Сейчас скажу одно – госпожа госсекретарь, думая, что я её не слышу, сказала, что сомневается, проживу ли я следующие три дня. А я хочу их прожить. Вы понимаете, Гедеон?

– Это пахнет государственной изменой, сэр!

– С этим мы разберёмся несколько позже. А пока помогите мне прожить эти три дня...

– Я сделаю всё, сэр! Может быть, позвонить адмиралу?

– Пока не надо. Не будем раньше времени ворошить осиное гнездо...

Президент улыбнулся и кивнул, но коммодор видел почти вплотную его сузившиеся глаза и подумал, что с этими парнями, японцами то есть, шутить надо очень осторожно. У них какие-то свои, не всегда понятные белому человеку реакции. Резать живот, чтобы смыть оскорбление, – дикость, конечно, но Брэкетт знал, что с обидчиками там поступают гораздо круче.

В своей спальне, выходящей окнами на тихую ухоженную лужайку, где порхали и пересвистывались десятка полтора пёстрых птиц, президент переоделся и открыл балконную дверь. Выйти, постоять, вдохнуть свежего воздуха, окончательно проникнуться тем чувством, что не испытывал очень давно.

Охранников нигде не видно, но они есть, каждый на своём месте, и на территорию «лагеря» не проникнет больше никто без его личного на то разрешения.

Впрочем, так же думал, наверное, и русский президент, считая себя за оградой своей дачи в полной безопасности. Но тому хорошо, раз уж удалось спастись, может отсиживаться в своём Кремле сколько угодно, не боясь даже и ракетного удара. Ойяма однажды побывал в этом средневековом замке и невольно проникся не совсем подходящим главе сильнейшей на планете державы чувством. Он не любил вспоминать о том моменте, но никуда не денешься. Он вошёл под своды Георгиевского зала Кремля и на какой-то миг ему показалось, что и сама Америка в сравнении с Россией – как её Белый дом в сравнении с этими краснокирпичными стенами и башнями, лестницами, коридорами, залами, бесконечной глубины и протяжённости подвалами, сохранившимися, как ему говорили, в неизменности то ли с шестнадцатого века, то ли вообще с двенадцатого. И расставленные вдоль пути следования гвардейцы президентского полка в своей стилизованной под XIX век парадной форме! По сравнению с ними те, что несут аналогичную службу при Белом доме, выглядят на скорую руку наряженными в военные мундиры деревенскими увальнями. Они даже парадным шагом ходить не умеют...

Тогда и шевельнулась мысль (всё ж таки японские гены сказывались), что двести лет американской истории – это слишком мало, чтобы делать какие-то основательные выводы о сравнительной мощи и величии её и других государств, хотя бы и западноевропейских. На самом-то деле что? На заре семнадцатого (всего лишь) века несколько радикальных экстремистских сект эмигрировали из Англии и Голландии в Америку, основав колонию в Новой Англии. Пересекая Атлантику, эти пуритане, называвшие себя «избранным народом святых», проклинали оставляемую ими Европу, её королей и её церкви, навсегда отсекая себя от них бритвой «доктрины предопределения» и приговаривая оставляемый мир к «вечной смерти».

А через триста лет потомки этих людей «вернулись» в Европу, чтобы силой вбить в головы «недочеловеков» свои мессианские идеи. Ойяме хватало внутренней свободы, чтобы

---

⁵⁸ Линкольн Авраам – 16-й президент США. Отменил рабство и выиграл гражданскую войну Севера против Юга. Убит в театре фанатиком-рабовладельцем в 1865 г.

понимать это, продолжая служить идее «американской мечты», просто потому, что не получилось у его предков «собрать восемь углов мира под одной крышей»⁵⁹.

Значит, судьба предназначила его сделать то же самое, но с позиций правителя уже другой страны. А что будет дальше – ведомо только богине Аматерасу...

Снова мигнул светодиод на крышке ноутбука. Ощувив некоторое волнение, президент открыл «почтовый ящик».

Новая записка, оформленная в том же стиле.

«Вы поступили правильно, Господин Президент. Теперь самое лучшее – сохранять своё уединение несколько ближайших дней, поручив верному человеку обеспечить ваш покой, прервав всякую связь с внешним миром. Перед принятием ответственного решения лучше не отвлекаться на суетные мелочи. Кроме того, столь необычный поступок повысит ваш авторитет и одновременно заставит недоброжелателей проявить активность, которая почти всегда ведёт к ошибкам. Передаю вам подборку документов, которые убедят вас в чистоте моих намерений и помогут принять правильное решение. Если вам потребуется дополнительная информация или просто моральная поддержка – вот адрес, по которому вы можете в любой момент со мной связаться. Извините за неподобающую назойливость и навязывание вам непрошеной помощи. Но бывают времена, когда лучше пренебречь ритуалом, чем потерять голову. Писать можете на любом удобном для вас языке. Друг». После подписи был изображён иероглиф «Ли» с пометкой, что его можно использовать в качестве кода вызова загадочного «друга», если добавить к нему следующий по порядку.

Сам по себе иероглиф имел несколько значений, но именно в таком каллиграфическом исполнении наводил на мысль, что подразумевается... Не случайно же записка заканчивалась одним из афоризмов Учителя. (Интересно, откуда «друг» знает, что Ойяма – не христианин и не синтоист, а именно – стихийный конфуцианец?)

А какая гексаграмма в «Книге перемен» обозначена как «Ли»?

Он достал из ящика стола изящно переплетённый томик, изданный ещё до начала эпохи Мэйдзи⁶⁰, в японском переводе и с комментариями Мацуи Расё. Раскрыл примерно посередине. Вот она.

«Ли. Наступление».

Сколько лет живёт на свете Ойяма, а не перестаёт удивляться. О чем бы ни спросил эту Книгу – всегда ответит именно об этом. Иначе не бывает.

И сейчас – пожалуйста.

«И кривой может видеть, и хромой может наступать. Но если наступишь на хвост тигра так, что он укусит тебя – будет несчастье. Если не укусит тебя – свершение».

Достаточно пищи для длительной медитации.

А следующая гексаграмма? Номер одиннадцать. «Тай», в самом близком значении – «расцвет».

«Малое отходит, великое приходит. Городской вал опять обрушится в ров. Не действуй войском! В своём городе изымай свою волю! Упорство приведёт к сожалению».

Конечно, можно предположить, что именно эти две гексаграммы выбраны неизвестным специально. При желании можно скомпилировать какие угодно «предсказания». Но всё же, всё же...

Ойяма, невзирая на всю «ассимилированность» и «европейскую рафинированность», оставался человеком своей культуры и своего менталитета. Этой простой вещи не понимает большинство людей, когда представляют таких людей совпадающими по «форме» и «содер-

---

⁵⁹ «8 углов...» – «хакко ити у» – официальная доктрина японских правителей с времён сёгунов, подразумевающая «мировое господство» Японии, хотя вначале подразумевались только азиатские территории (о других имелось крайне смутное представление).

⁶⁰ То есть раньше 1867 г.

жанию». Мол, если закончил два престижных университета и военную академию, безусловно носит смокинг и фрак, знает, к какому блюду какое вино следует подавать, и смеётся тем же шуткам, что и мы – значит, он «цивилизовался». А этот цивилизованный, возвращаясь домой в какую-нибудь афроамериканскую республику, требует к ужину филе пойманного в Париже лидера оппозиции, и непременно в кляре⁶¹. А другой, став командующим одним из сильнейших и современнейших флотов в мире, всё равно сидел в салоне линкора на циновке и в кимоно, и каждую действительно талантливую операцию предварял гаданием на цветках тысячелистника⁶².

В этом, пожалуй, заключался главный просчёт и тех, кто выдвинул Ойяму на нынешний пост, и тех, кто попытался им манипулировать привычными методами.

Ойяма задумался – а каким образом использовать иероглифы в качестве пароля? На клавиатуре их нет. Может быть, так – «Ли» и «Тай» – десятая и одиннадцатая гексаграммы. В сумме – двадцать один. Непростое число, с особым смыслом. Или, если подряд прочесть цифры, – тысяча одиннадцать. Он не математик и не нумеролог, так сразу уловить смысл этого сочетания не может.

Но попробовать можно оба варианта. Однако не слишком ли просто?

Оказалось, что именно так. На «21» программа не отреагировала, а когда Ойяма набрал в строчке адреса второе сочетание, соединение произошло мгновенно.

«Всё правильно, господин Президент. Быстрота мышления делает вам честь. Связь установлена. Но сначала всё же почитайте документы. Примерно через полчаса к воротам Кэмп-Дэвида подъедет человек. Примите его. Пароль – «Ли – Тай». Можете ему полностью доверять. Мы решили, что через курьера можно организовать контакт между двумя distinguished лицами надёжнее, чем с помощью технических средств. Когда человек прибудет, подтвердите встречу и получение документов». Этот текст был написан без затей, латиницей и по-английски.

Что-то кольнуло Ойяму. Похоже – сомнительная похвала. Сделанная как бы с другого уровня. Так учитель может одобрительно погладить по голове второклассника за успехи в устном счёте. Но с другой стороны...

«Хорошо, оставим это, – погрузился он в размышления. Курьер, курьер... Действительно, пахнет Средневековьем. Но с другой стороны, неизвестный «Друг» прав. Техника может всё, кроме того, что может специально подготовленный человек. И бумаги... Разумеется, бумаги – это гораздо достовернее, чем их электронная копия. Вопрос – что это за бумаги? Компромат на него или на его врагов? Ну ничего, подождём, недолго осталось. Второе, конечно, вернее. Шантажировать можно и гораздо более простыми способами. Но как всё рассчитано и исполнено! Здесь чувствуется очень опытная рука. И изощрённый ум. Достойный японца. Но в Японии у него нет «distinguished друга». Не нынешнего же премьера так называть? Нет, для протокола можно, но по сути... А что, если это послание от русского коллеги? Тогда всё сходится – и непонятные технические возможности, и глубина познаний, и... Да, вот именно, «и»! Наследие Византии. Не германская дуболомная прямота и не англосаксонский стиль, где через самые хитрые конструкции просматривается напыщенная самоуверенность...

Ничего, через полчаса он всё узнает. Незачем ломать голову. Лучше посмотреть, что скажет учитель.

---

⁶¹ Подлинный факт из биографии президента ЦАР (потом – императора) Ж. Бокасссы. И ничего, принимали с почестями, даже в СССР.

⁶² Адмирал Ямамото Исуроку (1884–1943) – главнокомандующий японским ВМФ во время Второй мировой войны. Погиб на сбитом американскими лётчиками самолёте. Это отдельная, весьма красивая история.

Ойяма закурил уже третью сигару, вновь положил перед собой «Книгу перемен» и взял в руки черенки папоротника.

Выпала гексаграмма номер сорок восемь, «Цзинь» (колодец).

В колодце – ил, им не прокормишься!
При запущенном колодце не будет живности.

Вода в колодце падает, просвечивают рыбы на дне.
Бадья же ветхая, и она течёт.

Колодец очищен, но из него не пьют.
В этом скорбь моей души, ведь можно было
Черпать из него.
Если бы царь был просвещён, то все обрели бы
своё благополучие.

Колодец облицован черепицей!
Хулы не будет!
Колодец чист, как холодный ключ.
Из него пьют.

Из колодца берут воду, не закрывай его!
Владеющему правдой – изначальное счастье⁶³.

«Ну что же, – подумал Ойяма. – Пока прибудет посланец, есть время помедитировать...»

---

⁶³ Автор обращает внимание, что приводимые гексаграммы не подобраны к сюжету. Они действительно выпадали при игре «за Ойяму».

Глава четвёртая

Идея, с которой несколько дней назад Воронцов обратился к Фёсту, была крайне проста. Может быть – проста до наивности. В свои студенческие годы, начав изучать психиатрию, тогдашний Вадим Ляхов был поражён одним незначительным, в общем-то, открытием. Оказывается, человека, страдающего, например, шизофренией, невозможно переубедить в его бредовых идеях. Вроде бы человек интеллектуально сохранен, вполне ориентируется в окружающей действительности и остаётся тем же кандидатом технических наук или известным литератором. Но поселяется в нём некая сверхценная идея, избавиться от которой его столь же трудно, как вылечить сифилис плясками шамана вокруг костра. Вадим пытался целый семестр «наставить на путь истинный» одного пациента. И отступился. Осознал, что некоторые убеждения сродни этой самой белой спирохете – логическим доводам и демонстрации каких угодно экспериментов не поддаются. Например – коммунистические или ваххабитские у ряда граждан. У других – лечатся вполне.

Вот Воронцов и предложил проверить – нормальный ли человек американский президент. Сможет ли он, ознакомившись с тщательно подобранными документами и получив какие-то гарантии очевидных преференций для себя и своей страны, резко сменить политический курс, грубо говоря – с трумэновского на рузвельтовский.

Личность Ойямы была проанализирована с помощью «стратегического симулятора» Берестина после того, как Шар выдал достаточно материала для анализа. Получилось, что искомая возможность не исключается. Да мало ли было в истории деятелей, которые, «пересмотрев свои взгляды» и суть «государственного интереса», меняли курс кто на девяносто, кто на сто восемьдесят градусов. Ближайшие примеры только из XX века – руководители Финляндии, Румынии, Болгарии в конце Второй мировой войны, коммунистические руководители бывших советских республик и «стран народной демократии» – в восьмидесятые-девяностые годы.

Тогда и было решено поэкспериментировать. Для начала президенту был подготовлен пакет документов, в который Фёст включил некоторые материалы о деятельности «Озабоченных гуманистов» и «хантеров» Арчибальда. К ним добавил распечатки телефонных и прямых переговоров «дам и джентльменов» его ближайшего окружения, снабжённые доказательствами их абсолютной подлинности. Чтобы Ойяма хоть в первом приближении понял, каким образом «некие личности» используют его страну и его самого, а также и то, какая участь уготована самой Америке. Пожалуй, гораздо более печальная, чем даже России. В силу исторических, географических и демографических обстоятельств.

Кроме того, с помощью тех же *чудес техники* был подготовлен написанный в достаточно свободной форме протокол заседания некоего «Конгресса футурологов и конструкторов будущего». Здесь вниманию Ойямы предлагалось несколько сценариев развития отношений США и России с разными вводными. Прогнозы были и краткосрочные – на ближайшие месяц-два, и перспективные – на пятилетку и в ещё более далёкой перспективе.

Пусть прочтёт и подумает. Как следует подумает. Тогда и ясно станет – политический он деятель исторического масштаба или очередной мелкий политикан, танцующий под дудочку весьма неприглядных личностей. Ещё проще – шизофреник он или нормальный, хотя и заблуждающийся человек.

Оставался ещё вопрос – каким образом всю эту «идеологическую бомбу» до Ойямы донести. Чтобы всё было достоверно, не вселяло подозрений и настолько заинтересовало, что отказаться «проглотить наживку» президент не смог бы.

С первым этапом всё было понятно. Пароль ноутбука узнать несложно, составить записки на японском – тоже. Но дальше в игру должен был вступить человек. Не «бог из машины» – он наверняка спугнёт клиента. Не русский – прямые переговоры с русским представителем вроде

Гарри Гопкинса, через которого Рузвельт решал со Сталиным многие деликатные вопросы, – это второй этап. Нужен был особый человек, и найти такого человека Фёст поручил своим валькириям. Как раз по специальности: их именно этому и учила в своё время Даяна. Срок – двое суток, в методах и средствах – без ограничений.

Одновременно Фёст, не отвлекая Секонда от его прямых служебных обязанностей, решил немного поработать в своей Москве, попытаться состыковать здешние события с американскими, провести ряд подготовительных мероприятий для второй фазы его собственной операции. Большая часть оставшихся верными Президенту высших чиновников и сотрудников наскоро сформированных «полевых подразделений» Объединённой Ставки Верховных Главнокомандующих (такой интересный, ранее неведомый «наднациональный» орган власти с диктаторскими полномочиями на паритетных началах сам собой оформился) была очень плотно занята текущими делами по «Мальтийскому кресту». В ожидании скорых и тектонического масштаба перемен рутинные государственные заботы сами собой отошли на второй и третий план. Думу на всякий случай отправили на внеочередные каникулы (чтоб под ногами не путалась), оперативное управление регионами передали в Совет министров и соответствующее подразделение президентской администрации. Всё равно совсем скоро начнутся такие дела, что о нынешних никто и не вспомнит.

Но те, кто был *допущен*, напрягались не меньше, чем их предшественники в первые годы Отечественной войны, когда большая часть военно-политического руководства страны работала фактически на круглосуточном казарменном положении. Несколько поспокойнее и планомернее, конечно, но впервые за десятки лет здешние, Российской Федерации люди почувствовали, что такое настоящая работа при действительно серьёзной ответственности. И, что с понятным удивлением отметил для себя Фёст, многим это начало нравиться. Как тому же Мятлеву, например, взвалившему на себя, кроме членства в Ставке, ещё и бремя трёх крайне запущенных министерств.

Как-то во время короткого перекура в кремлёвском коридоре, на *этой* стороне, Леонид Ефимович сказал Фёсту, забежавшему решить с глазу на глаз кое-какие вопросы:

– Ты знаешь, Вадим, я вот только окунулся в серьёзную работу как следует...

– А до этого всю жизнь только *этим самым* груши околачивал? – по скверной привычке, которую Фёст знал за собой, но никак не мог собраться и искоренить, перебил он генерала.

– Выходит, что так. Разучились мы именно что работать, а не *присутствие изображать*. Как у Стругацких в «Понедельнике»: «В итоге они пришли к странному выводу – «Работай или не работай – всё едино».

– Не совсем точно цитируешь, – по привычке поправил Фёст, – а в принципе так и есть. Если б вам ещё с брежневских времён за каждый серьёзный *косяк* или просто *бездействие власти* (была такая в царское время в «Уложении о наказаниях» статья) звёздочки сдирали или вообще отправляли в отставку *без объяснения причин, без мундиров и пенсий*⁶⁴ — сейчас бы у нас, как при Сталине, сержанты райотделами заведовали, а лейтенанты и капитаны⁶⁵ – отделами в Центральном Аппарате. По этому случаю мне резолюция Петра Первого на докладе о некоем проступке офицера вспомнилась. «А капитану имярек вменить сие в глупость и выгнать со службы, аки шельма».

---

⁶⁴ В царское время увольнение чиновника «без объяснения причин» означало примерно то же, что сейчас «утрата доверия» или «очевидное, но недоказанное злоупотребление служебным положением». Увольнение «без мундира и пенсии» – тяжелейшее из не связанных с лишением свободы и «всех прав состояния» наказание для государственных служащих.

⁶⁵ Следует иметь в виду, что до 1943 г. звания в НКВД и НКГБ, при одинаковом наименовании, реально были на 2–3 ступеньки выше, чем в армии, что подтверждалось знаками различия. Так, «капитан ГБ» носил три «шпалы», как подполковник, «майор ГБ» – ромб, как комбриг. «Комиссар ГБ первого ранга» равнялся целому командарму.

– Оно бы, может, и правильнее было, – кивнул Мятлев, глубоко затягиваясь дорогой, специального заказа «Корниловской» папиросой, к которым неожиданно быстро пристрастился, бывая в имперской России. Не говоря о вкусе, куда более *полном* и своеобразном, чем у неизвестно какой синтетикой набитых сигарет, человек с папиросой сам по себе как-то значительнее выглядит, что ли. Да и много всяких манипуляций, успокаивающих нервы или отвлекающих внимание собеседника, можно проделывать с папиросой и никогда не выйдет с сигаретой.

– Но я в этой связи другое хотел сказать. Знаешь, была в советском разделении властей, не на законодательную и исполнительную, а на партийную, советскую и хозяйственную своя сермяжная правда. Если до абсурда не доводить, конечно, в разумных рамках это соотношение соблюдать. И понятнее, с кого за что спрашивать, и есть кому, и вообще – каждый сверчок... сам понимаешь.

– Чего ж не понимать. Только теперь едва ли *так, как было*, получится. Впрочем, всё в ваших руках. Мы вам, сам видишь, ничего не навязываем.

– А идею насчёт Ставки? – хитровато прищурился Мятлев.

– Ты ещё скажи, что мы вам идею штаны через ноги, а не через голову надевать навязали. Ну, попробуйте ещё по-старому поруководить...

В голосе Фёста прозвучали такие нотки, что Леонид предпочёл быстренько *свернуть тему*, не преминув, однако, съязвить, чтобы в долгу не оставаться:

– «Мы – вам». Быстро же ты себя от *нас* отделил.

Фёст вдруг подумал, что со стороны так и может это восприниматься плохо знающим его человеком – вот, воспользовался моментом и быстренько перебежал на сторону *победителей*. А вот победителей ли – разбираться кому времени не хватает, а кому – и просто ума.

– Это ещё как сказать, можно и совсем иначе на вопрос взглянуть. Это *вы* так сильно себя от нас отделили, что теперь *нам* приходится... – Он вдруг не нашёл подходящего слова и опять заменил его пародийной цитатой из какого-то, советских времён поэта: – «Вышли мы все из народа, как нам вернуться в него?» – И не стал продолжать внезапно возникшую тему. – Мне, собственно, от тебя вот что надо. – Вадим достал из планшета (обычного, офицерского, а не компьютерного) два сколотых вместе листа бумаги. – Ты как есть у нас сейчас и за министра госбезопасности, и обороны тоже, это твоя компетенция. Подпиши вот это. В целях, как говорится, дальнейшего совершенствования боевого взаимодействия... Если не возражаешь, конечно, потому как кумовством пахнет.

– В каком это смысле?

Мятлев скользнул глазами по тексту. Там было написано, что в целях обеспечения специальных задач создаётся при ставке особая оперативная группа. Положение о группе и должностные инструкции см. в «Приложении №1» (Секретно, №0013). Штатное расписание – см. «Приложение №2 (ДСП). В состав группы включаются военнослужащие армии РФ и Российской императорской армии, которым наряду с имеющимися чинами присваиваются воинские звания⁶⁶

---

⁶⁶ В императорской армии сохранялось дореволюционное разделение понятий «чин» и «звание». Не вдаваясь в тонкости, можно сказать, что «чин» означало персональный ранг каждого служащего согласно «Табели о рангах» – «поручик», «действительный статский советник», а «звание» обозначало фактически исполняемую должность – «командир роты», «камергер», или являлось наградным, напр. «потомственный почётный гражданин». «Генерал-лейтенант» – это чин, «генерал-адъютант» – придворное звание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.